электронный научный журнал

Регионалистика

2019 Том 6 №2

regionalistica.org

В номере:

Высшее образование в регионе:
семейные стратегии

Внутрирегиональная торговля
в Восточной Азии

Малый и средний бизнес
в Костанайской области Казахстана

DOI: 10.14530/reg.2019.2

ISSN 2313-0881

Регионалистика

2019 Том 6 № 2

Электронный научный журнал

regionalistica.org

ISSN 2313-0881

Периодичность выхода:

шесть номеров в год

Учредитель:

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт экономических
исследований

Дальневосточного отделения
Российской академии наук
(Хабаровск)

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
11 марта 2014 г.

Свидетельство Эл № ФС77-57151

Авторы несут полную
ответственность за подбор
и изложение фактов, содержащихся
в опубликованных материалах.
Высказываемые авторами взгляды
могут не отражать точку зрения
редакции.

Перепечатка материалов журнала
допускается только по согласованию
с редакцией

Адрес редакции:

680042, Хабаровск,

ул. Тихоокеанская, 153

Телефон: +7 (4212) 725-225

E-mail: regionalistica@ecrin.ru

Дизайн: В.Н. Украинский

Вёрстка: В.В. Червонцева

Редакционная коллегия

Главный редактор:

А.Н. Демьяненко,

д-р геогр. наук, профессор

проф. *Цунео Акаха* (Монтерей, США)

д-р экон. наук *С.Д. Валентей* (Москва, Россия)

проф. *Винсент Ф. Галлуччи* (Сиэтл, США)

д-р социол. наук *К.В. Григоричев* (Иркутск, Россия)

д-р социол. наук *С.Г. Кирдина-Чэндлер* (Москва, Россия)

д-р социол. наук *Э.О. Леонтьева* (Хабаровск, Россия)

д-р геогр. наук *А.В. Мошков* (Владивосток, Россия)

д-р экон. наук *С.Н. Найденов* (Хабаровск, Россия)

д-р экон. наук *О.М. Прокапало* (заместитель главного
редактора, Хабаровск, Россия)

Л.А. Самохина (Хабаровск, Россия)

канд. экон. наук *В.Н. Украинский* (ответственный
секретарь, Хабаровск, Россия)

д-р полит. наук *М.Ю. Урнов* (Москва, Россия)

д-р экон. наук *Ю.Д. Шмидт* (Владивосток, Россия)

Редакционный совет

Председатель:

П.А. Минакир,

академик РАН

д-р филос. наук *Л.Е. Бляхер* (Хабаровск, Россия)

д-р экон. наук *Н.В. Гальцева* (Магадан, Россия)

чл.-корр. РАН *В.А. Крюков* (Новосибирск, Россия)

д-р экон. наук *С.В. Кузнецов* (Санкт-Петербург, Россия)

д-р экон. наук *Ю.Г. Лаврикова* (Екатеринбург, Россия)

чл.-корр. РАН *В.Н. Лаженцев* (Сыктывкар, Россия)

д-р полит. наук *С.В. Севастьянов* (Владивосток, Россия)

чл.-корр. РАН *В.И. Суслов* (Новосибирск, Россия)

д-р геогр. наук *А.И. Трейвиш* (Москва, Россия)

д-р экон. наук *А.Н. Швецов* (Москва, Россия)

В оформлении обложки использована
карта Петра Планциуса (1594)

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономических исследований Дальневосточного отделения
Российской академии наук, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА →

Демьяненко А.Н.

О социологии науки и библиометрии: заметки по случаю юбилея 5

СТАТЬИ, ОБЗОРЫ, ЭССЕ →

*Леонтьева Э.О., Резниченко А.П.*Стратегии дальневосточников в сфере высшего образования
и их влияние на миграционную активность в регионе 23*Барашок И.В., Косолапов А.Б., Руденко Л.Л., Овчаренко Н.П.*Детский туризм Приморского края (конец XIX–XX вв.):
ретроспективный взгляд на региональные особенности развития 38*Мазитова М.Г.*Внутрирегиональная торговля в Восточной Азии:
торговая интеграция и международная фрагментация производства 53*Лилимберг С.И., Селезнёва Т.О.*Анализ тенденций и закономерностей развития
субъектов малого и среднего бизнеса в Костанайской области
Республики Казахстан 64

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ →

*Двинин Д.Ю.*Оценка эмиссии парниковых газов
и ресурсоёмкости региональных электроэнергетических комплексов России 75

CONTENTS

FROM THE EDITOR-IN-CHIEF →

Demyanenko A.N.

On the Sociology of Science and Bibliometrics: Notes on the Occasion of the Anniversary5

ARTICLES, SURVEYS, ESSAYS →

*Leontyeva E.O., Reznichenko A.P.*Strategies of Inhabitants of the Far East in the Sphere of Higher Education
and Their Influence on Migration Activity in the Region23*Barashok I.V., Kosolapov A.B., Rudenko L.L., Ovcharenko N.P.*Children Tourism in Primorsky Krai (Late of 19th – 20th Centuries):
A Retrospective View of Regional Development Features38*Mazitova M.G.*Intraregional Trade in East Asia: Trade Integration
and International Production Fragmentation53*Lilimberg S.I., Seleznyova T.O.*Analysis of Trends and Patterns of Development
of Small and Medium-Sized Businesses in the Kostanay Region
of the Republic of Kazakhstan64

INVITATION TO DISCUSSION →

*Dvinin D.Y.*Assessment of Greenhouse Gas Emissions and Resource Intensity
of the Regional Electric Energy Complex of Russia75

**ДЕМЬЯНЕНКО
Александр
Николаевич**

Доктор географических наук, профессор, главный научный сотрудник

Институт экономических исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

**DEMYANENKO
Alexander
Nikolaevich**

Doctor of geography,
professor, chief researcher

Economic Research
Institute FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

demyanenko@ecrin.ru

УДК 001 + 316 + 330

**О СОЦИОЛОГИИ НАУКИ
И БИБЛИОМЕТРИИ:
ЗАМЕТКИ ПО СЛУЧАЮ ЮБИЛЕЯ**

В статье рассмотрены некоторые проблемы взаимоотношений библиометрических и социологических методов оценки деятельности российских учёных-экономистов и экономических журналов. На основе анализа библиометрических параметров дано описание территориальной структуры экономической науки на Дальнем Востоке. Внимание уделено как размещению организаций, выполняющих НИР по экономической тематике, результаты которых нашли отражение в статьях, опубликованных в научных журналах, так и анализу дальневосточных журналов, публикующих научные статьи по экономической проблематике.

География науки, экономические науки, библиометрика, научные коммуникации, Дальний Восток

**ON THE SOCIOLOGY OF SCIENCE
AND BIBLIOMETRICS: NOTES
ON THE OCCASION OF THE ANNIVERSARY**

The article discusses some of the problems of the relationship of bibliometric and sociological methods for evaluating the activities of Russian economists and economic journals. Based on the analysis of bibliometric parameters, the description of the territorial structure of economic science in the Russian Far East is given. Attention is paid both to the placement of organizations that carry out R&D on economic topics, the results of which are reflected in articles published in scientific journals, and to the analysis of Far Eastern journals that publish scientific articles on economic issues.

Geography of science, economic science, bibliometrics, scientific communications, Russian Far East

Введение

Первоначально статья должна была иметь сугубо юбилейный характер: «Регионалистике» этой весной исполняется 5 лет. Пять лет – это, конечно, не самая значимая цифра, но всё-таки неплохой повод подвести некоторые итоги, осмотреться, поразмышлять о будущем.

Но, как это нередко бывает, первоначальный замысел в ходе написания текста трансформируется, хотя бы уже в силу того, что жизнь, научная в том числе, в последние годы меняется столь быстрыми темпами, что не всегда успеваешь за ходом событий. В итоге получился (как это видится автору) своего рода портрет журнала «Регионалистика» на фоне дальневосточной экономической науки.

А уж коль речь зашла об экономической науке, точнее – о её географии в пределах Дальнего Востока, то пройти мимо библиометрии здесь было крайне сложно. Да и не стоит, наверное, это делать. К тому же в последние годы в отечественной и не только отечественной литературе появился целый ряд публикаций, имеющих целью показать как достоинства, так и недостатки библиометрического анализа.

О стратификации сообщества российских экономистов и рейтинговании экономических журналов

Для начала отметим интересную особенность, связанную, скорее всего, с организацией современной российской науки, да к тому же находящейся в состоянии перманентного реформирования: если в работах зарубежных специалистов имеет место достаточно взвешенный подход к библиометрии, то отечественные исследователи, как правило, выказывают зачастую отрицательное отношение к использованию библиометрии при оценивании научной деятельности. Можно предположить, что это не более чем реакция на предпринятую регулятором попытку прямого учёта библиометрических показателей в формулах финансирования академических институтов. Показательно, что здесь мы далеко не оригинальны – подобное имело место и в некоторых странах Запада в 1990-е годы¹.

Но при этом возникает законный вопрос: а библиометрия здесь причём? Однако, по мнению авторов научного доклада «Сообщество экономистов и экономические журналы (социологические измерения VS библиометрии)» [20]², библиометрия имеет самое непосредственное отношение к проблеме оценок в науке: «анализ специальной литературы и конкретные опыты не очень успешного использования библиометрических показателей позволили сформулировать вывод об их ограниченных возможностях» [20, с. 31]³. Именно этот тезис стал мотивом для проведения социологического исследования, а его проверка стала одной из целей всего исследовательского проекта⁴.

При этом А.Я. Рубинштейном с соавторами была «сформулирована гипотеза об отсутствии значимых связей между рейтингами экономических журналов, полученными в результа-

¹ Достаточно подробно эта ситуация на примере Австралии описана И. Жэнгра [9].

² Автор посчитал возможным не останавливаться на детальном обзоре ситуации с использованием библиометрических методов для оценки продуктивности российских учёных-экономистов, а равно как и для рейтингования экономических журналов, по двум причинам. Первая из них: авторская позиция уже была представлена в ряде предшествующих публикаций [5; 6; 7], вторая: в упоминаемом научном докладе [20] имеется достаточно представительный библиографический список.

³ К сожалению, авторы доклада не приводят в библиографическом списке работы, авторы которых придерживаются иной точки зрения на возможности библиометрии.

⁴ Была и другая цель рассматриваемого исследовательского проекта: стратификация сообщества российских учёных-экономистов.

те измерения общественного мнения, и библиометрическими показателями, в основе которых лежит феномен цитирования» [20, с. 31]. И хотя авторам доклада известна другая точка зрения, она ими не анализируется, а просто обозначается как ошибочная.

Итак, что предлагается взамен библиометрии? Социологические измерения общественно-го мнения. Здесь правда возникает вопрос: а почему вместо, а не вместе? Как свидетельствует зарубежный опыт, который авторы доклада фактически игнорируют, одно другому не мешает¹.

При этом авторы доклада отдают себе отчёт в том, что социологические измерения «должны опираться на обоснованную выборку экспертов» и что это «довольно сложная задача» [20, с. 5]. Трудно не согласиться и с тем, что в этой связи особую актуальность приобретают исследования, «направленные на стратификацию экономического сообщества и выяснение общественного мнения в отношении журналов, как в отдельных его сегментах, так и в целом, для всей совокупности экономистов» [20, с. 5]. А затем следует следующее утверждение: «особое место в данном контексте принадлежит методологии социологического исследования и в том числе содержанию самой анкеты» [20, с. 5].

Увы, обнаружить что-либо относительно методологии социологического исследования, и в том числе анкетного опроса, крайне затруднительно. Скорее всего, по этой причине трудно понять, что есть сообщество российских учёных-экономистов, которое авторы доклада собираются исследовать, опираясь на методологию социологической науки и используя анкетный опрос как основной аналитический инструмент².

И коль речь зашла о методологии социологического исследования, то следовало бы ожидать от авторов указания на то, какое содержание они вкладывают в понятие «сообщество учёных-экономистов». К какому виду ассоциаций относится упомянутое сообщество? Имеем мы дело с социологической категорией, то есть со статистической группировкой, или с агрегатом (иначе – социальной совокупностью), или же, наконец, с социальной группой?³

Можно предположить, что действительно есть социальная категория «сообщество российских учёных-экономистов», то есть статистическая группировка, объединяющая людей на основе такой конкретной характеристики, как профессиональное положение⁴. При этом, как отмечал в своё время Э. Гидденс, «люди из одной социальной категории не взаимодействуют друг с другом и не собраны в одном месте; они необязательно придают особое значение тем общим характеристикам, согласно которым их объединяют» [4, с. 267].

Что же касается той выборки, с которой работают авторы рассматриваемого научного доклада, то это, скорее всего, социальная совокупность или агрегат, что предполагает «набор людей, оказавшихся в одном месте в одно и то же время, но не имеющих никаких определённых связей друг с другом» [4, с. 266]. Само собой разумеется, что внутри достаточно обширных агрегатов, как правило, можно обнаружить различные виды групповых отношений⁵.

¹ См., например, работы И. Жэнгра [9; 10; 11; 12].

² Правда, вызывает недоумение тот факт, что в библиографическом списке нет ни работ классиков социологической науки, ни, что ещё более удивительно, исследований по социологии науки. Скажем, работ Р. Мертон [15], П. Бурдьё [3], Дж. Бен-Давида [2] или И. Жэнгра [9]. Не стоит искать в этом списке и работ, имеющих отношение к организации анкетных опросов и обработки их результатов. Конечно, можно возразить: научный доклад – это не монография, но всё-таки...

³ См., например, [4].

⁴ Кстати, для определения масштабов и структуры такой социальной категории полезны библиометрические показатели РИНЦ.

⁵ И всё было бы замечательно, но информационная база исследования, результаты которого представлены в докладе, – это не один агрегат, а целых три. А именно: участники третьего Российского экономического конгресса «РЭК-2016» (декабрь 2016 г.), Московского экономического форума «МЭФ-2017» (март 2017 г.) и «XVIII Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества» (апрель 2017 г.).

А вот что касается (социальных) групп – термина, которым авторы научного доклада пользуются достаточно часто в самых разных контекстах, то здесь хотелось бы большей определённости. Дело в том, что в социологических исследованиях «группа» – это некоторое количество людей, взаимодействующих друг с другом на регулярной основе. Более того, именно, «регулярность приводит к сплочению принимающих участие во взаимодействии в отдельное целое с некими общими социальными характеристиками. Члены группы ожидают друг от друга определённых форм поведения, не требующихся от не-членов» [4, с. 266].

Если обратиться к тексту доклада, то придётся признать: «группа» в исследовании А.Я. Рубинштейна с соавторами – это нечто иное. А если же в целом рассматривать тот раздел доклада, который обозначен как «Методологические основания исследования», то придётся признать: в нём авторы доклада предлагают свой собственный подход к стратификации общества российских экономистов и ничего более.

И здесь начинается самое интересное. Во-первых, не ясно, с какой целью осуществляется эта стратификация, хотя можно предположить (но не более того), что выделение шести основных групп необходимо в последующем для определения той группы экспертов, мнение которой будет решающим при построении рейтинга экономических журналов.

Во-вторых, остаётся открытым вопрос: а зачем нужен ещё один рейтинг российских экономических журналов? Даже если он, то есть рейтинг, основывается на использовании результатов анкетного опроса, а не на библиометрических показателях.

Но для начала всё-таки следует вернуться к тому, как была сформирована выборка. А сформирована она была случайным образом, хотя логика исследования требовала, чтобы выборка имела квотный характер. Для чего следовало иметь представление о том, что представляет собой генеральная совокупность, но таковыми знаниями авторы доклада (по их же словам) не обладали. И отдавая себе отчёт в том, что при отсутствии знаний о генеральной совокупности «исследователи сталкиваются с трудно разрешимыми проблемами и вынуждены, как правило, пользоваться искусственными, часто субъективными, процедурами» [20, с. 17], авторы доклада полагают, что проблема репрезентативности может быть отброшена. Они предлагают «принципиально новый подход, который основан на выделении из общей совокупности респондентов группы «экспертов», отвечающих исходно заданным требованиям» [20, с. 17], оценки которых, «по определению, являются основанием для ранжирования журналов» [20, с. 18].

А вот теперь самое время остановиться на том, каким образом происходит стратификация общества российских учёных-экономистов. По мнению авторов доклада, единственным критерием, заслуживающим внимания в ходе стратификации, является вид деятельности. Тогда всё сообщество подразделяется на три крупные группы: занятые преимущественно преподавательской деятельностью, академическими исследованиями и экспертно-аналитической работой. Не будем спорить: можно и так. Правда, есть вопрос: куда отнести тех экономистов, которые занимаются деятельностью по регулированию экономических процессов и систем?

Но много больше вопросов вызывает разбиение приведённых выше трёх групп на две подгруппы: «традиционных специалистов – Ordinary, работающих в традициях российской экономической школы, и «продвинутых» специалистов – Advanced, обладающих современными знаниями в области экономики и смежных научных дисциплин» [20, с. 8]. И, если я правильно понимаю логику авторов доклада, именно «продвинутые» специалисты и наделяются статусом экспертов, оценки которых, в конечном счёте, являются основанием для ранжирования журналов.

А теперь ознакомимся с теми критериями, по которым отбираются эксперты: наличие

учёной степени кандидата или доктора наук; владение иностранным языком; понимание важности для российских экономистов знания экономико-математического аппарата; чтение отечественных и зарубежных журналов; публикация статей в авторитетных научных изданиях из группы журналов «Leaders»¹.

Более внимательно рассмотрим перечисленные выше критерии отнесения тех или иных респондентов в экспертную группу. Начнём с самого начала. Наличие учёной степени – это понятно, непонятно другое: по какой научной специальности должна быть степень? Только по экономике или, может быть, и по другим наукам тоже? А почему для российских экономистов важно знание моделей равновесия, теории игр и эконометрики? Рискну предположить (не будучи экономистом), что помимо знания упомянутых теорий и аналитических инструментов российскому экономисту необходимо твёрдое знание классического наследия экономической мысли (отечественной в том числе), наличие, как минимум, представления об основных теоретических концепциях в смежных дисциплинах (включая и социологию), наконец, понимание природы реальных проблем отечественной экономики.

Правда, в этом случае потребуются не только анкетные опросы, но и систематические исследования по социологии (и вполне возможно, по географии) российской науки (экономической в том числе). И в этой связи проблема рейтингования научных экономических журналов представляется не самой актуальной², а противопоставление библиометрических методов методам социологическим представляется, как минимум, спорным.

Здесь, наверное, следует вспомнить о том, что библиометрия³, являясь разделом наукометрии, «ограничивается анализом публикаций и их характеристик [9, с. 11]. И не более того. И не вина библиометрии, что научная статья, пользуясь терминологией И. Жэнгра, всё более превращается из «единицы знания» в «единицу отчёта» [11]⁴.

Скорее всего, мы имеем дело с тем, что в своё время описал Р. Мертон: «когда культурный акцент переносится с удовлетворений, вытекающих из самого процесса конкуренции, на едва ли не исключительное внимание к его результатам, возникает напряжение, ведущее к крушению регулирующей структуры» [15, с. 277–278]⁵. Сказанное, классиком социологии, конечно, не имеет непосредственного отношения к проблемам экономической науки современ-

¹ Здесь следует отметить, что формирование группы экспертов осуществлялось исключительно на основании ответов респондентов на вопросы анкеты.

² Скорее всего, прав здесь И. Жэнгра: «Часто путают оценку и рейтингование. В действительности это две совершенно различные операции. Если вторая подразумевает первую, то вторая вовсе не обязательно приводит ко второй. ... Рейтинг всегда связан с публичностью и пиаром» [9, с. 88].

³ Здесь будет уместным отметить, что «...только в 1970-е годы библиометрия как сфера академических исследований переживает настоящий подъём в связи с новым запросом со стороны научной политики» [9, с. 22]. Не буду утверждать, что сейчас, в конце второго десятилетия XXI века, в России библиометрия переживает подъём, но интерес к ней действительно имеет место. Увы, но с запозданием в почти полвека.

⁴ Может быть, в российских реалиях лучше «единицу учёта»?

⁵ Говоря о регулирующей структуре, Р. Мертон имел в виду не органы государственного управления в научной сфере, а этос науки, который в современной науке «образуют четыре набора институциональных императивов: универсализм, коммунизм [сейчас более употребим термин – коллективизм], бескорыстность и организованный скептицизм» [15, с. 770]. Для Мертона «этос науки – это аффективно окрашенный комплекс ценностей и норм, считающийся обязательным для человека науки. Нормы выражаются в форме предписаний, запретов, предпочтений и разрешений. Они легитимируются в терминах институциональных ценностей. Эти императивы, передаваемые наставлением и примером и поддерживаемые санкциями, в различных степенях интернализируются учёным, формируя тем самым его научную совесть...» [15, с. 768]. Впрочем, в последние десятилетия всё большее регулирующее значение приобретают не только неформальные, но и формальные регулирующие структуры. В странах Запада это в явном виде стало ощущаться с 1980-х годов, в России – в последние годы. При этом что в России, что за её рубежами институциональное давление (знаменитое «публикуй или погибнешь») повлекло за собой рост девиантного поведения» [10, с. 61].

ной России и в том числе к проблеме определения достоинств и недостатков методов библиометрии для оценки её результативности, но в немалой мере проясняет причины девиантного поведения в науке.

Проблема эта неоднократно и по разным поводам рассматривалась как в отечественной, так и в зарубежной научной литературе [1; 6; 9; 10; 11; 12]. По мнению И. Жэнгра, три процесса – интернет-революция, трансформации производства научных журналов и в способах оценки учёных – в своей совокупности привели «к радикальным изменениям в научном поле¹, следствием которых стал рост девиантного поведения среди учёных, журнальных издателей, а также менеджеров академических институций» [11, с. 133].

Итак, противопоставление социологических и библиометрических методов – проблема, как минимум, не из числа актуальных, ведём мы речь о рейтингах экономических журналов, стратификации сообщества российских учёных-экономистов или оценке деятельности отдельных исследователей, научных организаций или журналов. Как правило, они дополняют друг друга. Как и в какой форме – это уже зависит от целей конкретного исследования.

«Регионалистика» в контексте дальневосточной экономической науки

Прежде всего отметим, что тема «Региональные экономические журналы» – не самая популярная в среде отечественных исследователей, хотя отдельные публикации по ней всё-таки имеются [5; 6; 7; 16; 17; 21; 22]. Анализ этих публикаций свидетельствует о том, что региональные экономические журналы имеют свою нишу на рынке научных изданий².

Теперь собственно о «Регионалистике». Первое, о чём следует напомнить: «Регионалистика» – электронный журнал, которому присущи все те особенности, которые достаточно детально в свое время проанализировал В. Радаев [19]. И хотя со времени публикации статьи В. Радаева прошло немало лет, с тех пор мало что изменилось. По-прежнему «главное преимущество электронного журнала – доступность для читателя ВСЕХ номеров журнала! Можно в любой момент получить доступ ко всем номерам журнала или держать их под рукой в своём компьютере. Ссылки на журнальные статьи легко интегрируются в виртуальные тексты и электронные учебные программы... К этому добавляется точное знание реального «тиража» каждого номера» [19, с. 186].

Для начала кратко остановимся на содержательных проблемах (основные библиометрические параметры, описывающие журнал, будут приведены ниже). Среди таковых особого выделим, во-первых, формирование авторского коллектива и, во-вторых, формирование узнаваемого образа самого журнала.

Естественно, что на этапе становления основной контингент авторов формировался из числа сотрудников ИЭИ ДВО РАН, но в последующем стало заметно присутствие авторов не только из научных организаций Хабаровска, но и других городов, причём не только сибирских, но и из Европейской части страны и из-за рубежа (*рис. 1*). И хотя по-прежнему «Регионалистика» – это журнал организации-издателя (2/3 авторов – это сотрудники ИЭИ ДВО РАН), среди авторов есть сотрудники дальневосточных академических институтов и вузов (примерно 15%), а остальные 15% приходятся на организации из Сибири и Европейской России примерно в равных долях. Всего на страницах (электронных) журнала нашли место публикации

¹ О концепции научного поля, см., например, в [3; 10].

² Достаточно подробно этот сюжет для академических журналов рассмотрен в статье А.И. Татаркина [22], а проблемы становления опять-таки академического регионального журнала изложены в статье П.А. Минакира [16].

авторов из почти трёх десятков научных организаций. При этом следует отметить, что среди авторов журнала есть и действительные члены РАН, и профессора из ведущих академических институтов и вузов РФ.

Что касается узнаваемости журнала, то здесь можно обратиться к такому библиометрическому параметру, как «Распределение по организациям». Цитирующих публикаций на момент подготовки данной статьи насчитывалось почти четыре сотни, а авторы этих публикаций трудились почти в 90 научных организациях (рис. 2). Примерно 45% (что вполне объяснимо молодостью журнала) – это публикации сотрудников ИЭИ ДВО РАН, а всего цитирующие публикации дальневосточных авторов составляют немногим более 60%. На цитирующие публикации сибирских авторов приходится около 10%, на авторов из Европейской России – немногим более 30%.

Есть ещё один библиометрический параметр, который следует рассмотреть хотя бы кратко: «Распределение цитирующих публикаций по журналам». Здесь ситуация такова: немногим более 45% цитирующих публикаций приходится на журналы, издаваемые на Дальнем Востоке, немногим менее 45% – на журналы из Европейской России, порядка 10% – на сибирские журналы (рис. 3).

Итак, приведённый библиометрический анализ (краткий и далеко не полный) даёт основание говорить о том, что электронный научный журнал «Регионалистика» с момента его основания превратился в журнал регионального уровня. Он стал площадкой, на которой встречаются авторы как из академических институтов, так и вузов, как Дальнего Востока (по преимуществу), так и из других регионов РФ. И даже если он ещё не в полной мере соответствует статусу академического журнала, с устоявшейся репутацией в научных кругах, нельзя не отметить, что «Регионалистика» в явном виде не только осуществляет информационную функцию¹, но и в силу своих сил и возможностей содействует самоорганизации научного сообщества², как минимум, на Дальнем Востоке. Наконец, в силу своих сил и возможностей журнал прилагает усилия по обеспечению связности научного пространства в регионе. Дело в том, что фрагментация научного пространства – одна из наиболее острых проблем организации науки на Дальнем Востоке, она в конечном счёте «превращает его в совокупность островков научной мысли, где в виде анклавов развиваются отдельные дисциплины или выполняются отдельные исследования» [13, с. 172].

Теперь перейдём к рассмотрению контекста и начнём с того, что зафиксируем: почти три десятка научных организаций³, расположенные в девяти городах Дальнего Востока⁴, систематически производят статьи по экономической тематике (табл. 1), а научных журналов, которые публикуют статьи экономической направленности, насчитывается немногим более двух десятков (табл. 2).

Отметим, что по большей части продуцентами научных публикаций экономического профиля являются вузы, хотя следует признать, что удельный вес институтов РАН достаточно высок. Ожидаема и концентрация научных организаций, производящих экономические публикации, в Хабаровске и во Владивостоке. Показательно, что при выделении организаций, для которых экономические исследования являются приоритетными, степень концентрации будет ещё выше.

¹ Конечно, есть и другие функции научного журнала. См., например, [13; 14; 18].

² О самоорганизации научного сообщества и роли института рецензирования в этом процессе см. [18].

³ На самом деле в базе данных РИНЦ зафиксировано несколько большее число организаций, сотрудники которых являются авторами статей по экономической проблематике. Но это, как правило, разовые публикации, поэтому они были исключены из рассмотрения.

⁴ Дальний Восток в данной статье – это ДФО без Республики Саха (Якутия), Республики Бурятия и Забайкальского края.

Рис. 1. География авторов статей журнала «Регионалистика»

Источник: картография выполнена В.Д. Хижняком на основании данных, предоставленных автором.

Рис. 2. Распределение публикаций, цитирующих статьи журнала «Регионалистика», по организациям

Источник: картография выполнена В.Д. Хижняком на основании данных, предоставленных автором.

Рис. 3. Распределение публикаций, цитирующих статьи журнала «Регионалистика», по журналам

Источник: картография выполнена В.Д. Хижняком на основании данных, предоставленных автором.

Таблица 1

Дальневосточные организации-производители научных публикаций
экономической направленности

Организация *	Статус организации	Количество публикаций по экономической тематике	Общее число цитирований	Число цитирований на одну публикацию
Хабаровск				
ТОГУ (1)	вуз	2 443	1 622	0,8
ИЭИ ДВО РАН (1)	РАН	1 711	7 838	5,3
ХГУЭП (1)	вуз	3 458	2 354	0,9
ИВЭП ДВО РАН (8)	РАН	53	181	3,8
ИГД ДВО РАН (5)	РАН	91	93	1,3
ДВГУПС (2)	вуз	947	752	1,0
ДВЮИ МВД (9)	вуз	44	30	0,9
РАНХиГС (2)	вуз	186	472	2,5
ВЦ ДВО РАН (10)	РАН	28	96	3,7
Владивосток				
ДФУ (1)	вуз	6 046	5 970	1,5
ТИГ ДВО РАН (6)	РАН	244	2 529	10,7
ВГУЭС (1)	вуз	3 617	8 749	3,6
ИИАиЭ ДВО РАН (5)	РАН	138	316	3,2
Дальрыбвтуз (3)	вуз	372	216	0,7
МГУ им. адм. Г.И. Невельского (3)	вуз	143	169	1,6
Биробиджан				
ПГУ им. Шолом-Алейхема (3)	вуз	474	304	1,8
ИКАРП ДВО РАН (3)	РАН	141	358	2,7
Благовещенск				
АмГУ (1)	вуз	1 182	955	1,0
БГПУ (9)	вуз	208	39	0,6
ДальГАУ (2)	вуз	659	998	1,9
ИГиП ДВО РАН (10)	РАН	42	141	3,5
Комсомольск-на-Амуре				
КнАГУ (2)	вуз	702	601	1,0
АмГПГУ (8)	вуз	91	29	0,3

Продолжение таблицы 1

Организация *	Статус организации	Количество публикаций по экономической тематике	Общее число цитирований	Число цитирований на одну публикацию
Магадан				
СВКНИИ ДВО РАН (4)	РАН	63	156	2,6
СВГУ (3)	вуз	177	116	0,9
Петропавловск-Камчатский				
КамГУ (8)	вуз	189	286	3,0
КамчатГТУ (1)	вуз	310	476	1,6
Уссурийск				
ПГСХА (4)	вуз	359	93	0,4
Южно-Сахалинск				
СахГУ (2)	вуз	200	53	0,3

Примечание: в скобках указана позиция рубрики «Экономика. Экономические науки» в перечне научных направлений организации.

Обращает на себя внимание и тот факт, что существуют значимые различия в библиометрических параметрах между организациями различных типов – между вузами и академическими институтами. Но при этом существенные различия в библиометрических параметрах имеют место и между организациями одного и того же типа, отличающимися, с одной стороны, размерами (прежде всего численностью сотрудников), с другой – позициями экономических исследований в направлениях деятельности организаций.

Сходная ситуация имеет место быть, когда мы переходим к рассмотрению совокупности уже не организаций, но журналов. Вновь в явном виде проявляется территориальная концентрация: большая часть журналов, публикующих статьи по экономической тематике, находится всё там же – в Хабаровске и во Владивостоке.

Даже беглый анализ библиометрических параметров, приведённых в таблице 2, свидетельствует о том, что мы имеем дело с достаточно однородной совокупностью журналов¹. Впрочем, здесь присутствуют и журналы, качество публикаций в которых вызывает, как минимум, обоснованные сомнения (во всяком случае, с точки зрения качественного научного редактирования; последнее крайне затруднительно, когда в журнальном выпуске насчитывается 60–70 статей). А если эти же журналы имеют импакт-фактор менее 0,1, а индекс Хирша авторов не превышает 3, то сомнения только усиливаются. С другой стороны, есть журнал «Пространственная экономика» с устоявшейся научной репутацией на общероссийском уровне, есть «Известия ДФУ. Серия экономика и управление», есть «Региональные проблемы» и «Территория новых возможностей», наконец, «Регионалистика», которые имеют сходные значения по ряду библиометрических параметров и могут быть отнесены к категории региональных.

Для большей части других журналов экономическая проблематика стоит далеко не на первом месте в системе приоритетов, поэтому в этих журналах, как правило, публикуются сотрудники организаций-издателей, а ссылки на публикации в этих журналах крайне редки.

¹ Отметим, что эта совокупность представлена журналами, которые старше «Регионалистики».

Таблица 2

Библиометрические показатели научных журналов, содержащих публикации экономической направленности и издающихся на Дальнем Востоке

Издатель	Название журнала	Позиция экономической тематики в перечне на- правлений	Ко- личе- ство статей	Среднее количе- ство статей в выпуске	Коли- чество статей по экономи- ческой тематике	Ко- личе- ство цити- рова- ний	Коли- чество цитиро- ваний на одну статью	Пяти- летний им- пакт- фак- тор	Ин- декс Хирша авто- ров
Хабаровск									
ТОГУ	Вестник ТОГУ	1	1 506	29	332	3 567	2,37	0,270	3,80
	Учёные заметки ТОГУ	1	2 299	70	502	950	0,41	0,087	3,00
ИЭИ ДВО РАН	Пространственная экономика	1	769	13	737	5 571	7,24	1,791	11,00
	Регионалистика	1	207	7	159	490	2,37	0,663	10,30
ДВГУПС	Научно-техническое и эконо- мическое сотрудничество стран АТР в XXI веке	2	1 256	60	218	173	0,14	0,033	2,80
	Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке	9	1 530	27	52	1 319	0,86	0,187	3,40
РАНХиГС	Власть и управление на Вос- токе России	2	1 381	25	186	1 783	1,29	0,146	3,70
ХГУЭП	Вестник ХГУЭП	1	941	15	300	931	0,99	0,000	3,20
Владивосток									
ДФУ	Известия ДФУ. Экономика и управление	1	1 206	14	474	2 080	1,72	0,662	5,30
ДВО РАН	Вестник ДВО РАН	8	2 071	14	61	7 871	3,80	0,339	6,50
ВГУЭС	Территория новых возмож- ностей	1	1 040	24	303	1 840	1,77	0,382	6,60
	Ойкумена	4	706	16	46	1 390	1,97	0,263	4,60
ИИАиЭ ДВО РАН	Россия и АТР	4	1 592	16	33	3 598	2,26	0,194	5,40
Дальрыбвтуз	Научные труды Дальрыбвтуза	3	854	28	372	248	0,29	0,034	4,00
	Вестник Дальрыбвтуза	1	236	24	135	62	0,26	0,028	2,20

Продолжение таблицы 2

Издатель	Название журнала	Позиция экономической тематики в перечне на- правлений	Ко- личе- ство статей	Среднее коли- чество статей в выпуске	Коли- чество статей по экономи- ческой тематике	Ко- личе- ство цити- рова- ний	Коли- чество цитиро- ваний на одну статью	Пяти- летний им- пакт- фак- тор	Ин- декс Хирша авто- ров
Биробиджан									
ИКАРП ДВО РАН	Региональные проблемы	3	699	20	77	1 181	1,69	0,350	6,50
Благовещенск									
АмГУ	Вестник АмГУ. Естественные и экономические науки	1	819	22	165	296	0,36	0,084	4,80
ДальГАУ	Дальневосточный аграрный вестник	2	958	20	79	683	0,71	0,198	4,10
Комсомольск-на-Амуре									
КНАГУ	Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного техническо- го университета	2	1 502	21	137	1 168	0,78	0,134	3,70
АмГППУ	Амурский научный вестник	7	813	26	26	163	0,20	0,000	1,80
Магадан									
СВГУ	Вестник СВГУ	4	524	19	42	242	0,46	0,000	3,50
Петропавловск-Камчатский									
КамГУ	Вестник КРАУНЦ. Гумани- тарные науки	8	447	14	189	712	1,59	0,230	3,50
КамчатГТУ	Вестник КамчатГТУ	1	1 005	21	171	647	0,64	0,174	5,20

Всё сказанное выше и относительно научных организаций, и научных журналов экономического профиля свидетельствует о том, что пространство (поле) экономической науки на Дальнем Востоке крайне фрагментировано. И выход из этой ситуации несколько очевиден, настолько и труднодостижим. Я имею в виду кооперацию экономических исследований и издательской деятельности как между научно-исследовательскими организациями региона, так и с исследовательскими коллективами из других регионов РФ и зарубежными коллегами.

Заключение

Сопряжённый анализ (далеко не исчерпывающий) работ по социологии науки и библиометрии (как современных, так и классических) даёт основание если и не для широких обобщений, то, во всяком случае, для постановки ряда вопросов, имеющих как академический, так и прикладной интерес.

Во-первых, обращаясь к инструментарию социологических исследований, всякий раз следует помнить, что «...социологическое знание всегда подвержено опасности оказаться сведённым «заинтересованным» прочтением к поверхностному восприятию [3, с. 10].

Во-вторых, обращаясь к библиометрическим показателям, всякий раз следует иметь в виду, что «...подсчёт ссылок не может заменить собой процесс оценки, при котором необходимо учитывать и другие переменные» [9, с. 64]. И эти другие переменные могут быть получены в ходе социологических (но не только) исследований.

В-третьих, библиометрический анализ обнаруживает различия в практиках цитирования не только на уровне естественно-исторических, социальных и гуманитарных дисциплин, но и на уровне отдельных научных дисциплин. И такого рода знание может быть полезным для того, чтобы «противостоять навязыванию неадаптированных к этим специальностям критериев» [9, с. 41].

В-четвертых, библиометрические показатели могут быть полезны при оценке журналов. То, что сфера научных журналов превратилась в высококонкурентный рынок, вряд ли требует доказательств. И в этой связи издатели всё чаще используют библиометрические показатели (прежде всего импакт-фактор в самых различных его вариантах) что следует рассматривать, наряду с формированием самых различных рейтингов журналов, как часть маркетинговой стратегии и не более того.

И коль речь зашла о рейтингах научных журналов (в том числе и экономических), то следует иметь в виду ещё и тот факт, что некорректное использование рейтингов журналов может нанести не меньший вред, чем некорректное использование библиометрических параметров¹.

Наконец, когда в сообществе российских экономистов (и не только) явно прослеживается стремление публиковаться на английском языке, желательно – в журналах, включённых в базы Scopus и Web of Science (к чему их настоящего подталкивает регулятор), следует иметь в виду, что если научная литература – «важнейшая часть национальной культуры и фактор развития национального языка как такового, то опция полного перехода на английский в качестве языка научной коммуникации для России не может всерьёз рассматриваться» [12, с. 175]. И очень бы не хотелось (но, судя по всему, к тому всё идёт), чтобы сбылся прогноз И.И. Елисеевой: «Труд учёного всё больше будет оцениваться в соответствии с количественными показате-

¹ В качестве примера использования недобросовестных практик при рейтинговании журналов можно привести добавление знаков после запятой для придания оценкам видимости точности измерений. Впрочем, проблема рейтингов – это не только проблема оценки журналов, аналогичные проблемы возникают, в частности, и при формировании рейтингов региональной конкурентоспособности [23].

лями цитирования и публикаций в англоязычных изданиях» [8, с. 171]. В конечном счёте, такое положение дел может привести к забвению тех направлений научных исследований, результаты которых вовсе не интересны для англоязычных изданий. Всё это входит в противоречие с тем очевидным фактом, что «...всегда и везде учёные служат неотъемлемой составляющей местных социальных и культурных систем и оказываются в социальных ситуациях, которые связывают их с неучёными» [2, с. 26].

И это обстоятельство следует всякий раз учитывать при принятии решений в сфере научной политики, которая не может быть унифицированной, она должна учитывать особенности не только отдельных научных дисциплин, но и региональную специфику. И в этой связи вспомним ещё раз И. Жэнгра: «политические решения, безусловно, не могут основываться исключительно на библиометрических данных, однако последние помогают сделать осведомлённый выбор. А те, кто думает, что без них можно обойтись, рискует ошибиться в своих расчётах и прогнозах» [9, с. 41].

Список литературы

1. Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Проблема манипулирования в системе РИНЦ // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. 2015. Т. 14. № 2. С. 166–178. DOI: 10.15826/vestnik.2015.14.2.021
2. Бен-Дэвид Д. Роль ученого в обществе. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 344 с.
3. Бурдые П. Номо academicus. М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. 464 с.
4. Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 704 с.
5. Демьяненко А.Н. О «туземцах» в экономической науке на Севере Дальнего Востока // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 4. С. 5–13. DOI: 10.14530/reg.2018.4.5
6. Демьяненко А.Н., Демьяненко Н.А. О географии экономической науки в Азиатской России // Пространственная экономика. 2014. № 4. С. 120–147.
7. Демьяненко А.Н., Демьяненко Н.А., Украинский В.Н., Хиженяк В.Д. Деконцентрация российской экономической науки и качество институтов // Регионалистика. 2015. Т. 2. № 5–6. С. 70–84. DOI: 10.14530/reg.2015.5-6
8. Елисеева И.И. Неюбилейные заметки о российских экономических журналах // Журнал Новой экономической ассоциации. 2016. № 2. С. 169–171.
9. Жэнгра И. Ошибки в оценке науки, или Как правильно использовать библиометрию. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 184 с.
10. Жэнгра И. Социология науки М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 112 с.
11. Жэнгра И. Трансформация научной статьи: от знания к отчетности // Жэнгра И. Ошибки в оценке науки, или Как правильно использовать библиометрию. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 130–147.
12. Кирчик О., Жэнгра И., Ларивьер В. Глобализация научной коммуникации: «аномальный» кейс России? // Жэнгра И. Ошибки в оценке науки, или Как правильно использовать библиометрию. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 148–175.
13. Клейнер Г.Б. Миссия академического журнала: между фундаментальностью и актуальностью // Журнал Новой экономической ассоциации. 2011. № 12. С. 171–173.
14. Либман А.М. Журналы – инструмент отбора в экономической науке // Журнал Новой экономической ассоциации. 2011. № 12. С. 174–177.
15. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. 873 с.

16. Минакир П.А. Публиковать нельзя отклонить // Журнал Новой экономической ассоциации. 2011. № 12. С. 177–179.
17. Наумов Н.В. Территориальная организация экономических исследований на севере Дальнего Востока России // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 2. С. 53–64. DOI: 10.14530/reg.2018.2.52
18. Полтерович В.М. Миссия экономического журнала и институт рецензирования // Журнал Новой экономической ассоциации. 2011. № 12. С. 194–196.
19. Радаев В.В. Электронный журнал: специфика работы и анализ аудитории // Журнал Новой экономической ассоциации. 2011. № 12. С. 185–188.
20. Рубинштейн А.Я., Бураков Н.А., Славинская О.А. Сообщество экономистов и экономические журналы (социологические измерения VS библиометрии): Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2017. 83 с.
21. Соколов М., Тутаев К. Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 239–275.
22. Татаркин А.И. Академический журнал: каким он видится из регионов // Журнал Новой экономической ассоциации. 2011. № 12. С. 182–185.
23. Украинский В.Н. Индексирование городской и региональной конкурентоспособности: плюсы и минусы // Регионалистика. 2017. Т. 4. № 6. С. 77–81. DOI: 10.14530/reg.2017.6

References

1. Balatsky E.V., Ekimova N.A. The Problem of Manipulation in the RSCI System. *Vestnik UrFU. Seriya ekonomika i upravlenie* [Bulletin of Ural Federal University. Series Economics and Management]. 2015. No. 2. Pp. 166–178. DOI: 10.15826/vestnik.2015.14.2.021 (In Russian)
2. Ben-David J. *The Scientist's Role in Society: A Comparative Study*. Moscow, 2014. 344 p. (In Russian)
3. Bourdieu P. *Homo Academicus*. Moscow, 2018. 464 p. (In Russian)
4. Giddens A. *Sociology*. Moscow, 1999. 704 p. (In Russian)
5. Demyanenko A.N. About «Indigenous» in Economic Science in the North of Russian Far East. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2018. Vol. 5. No. 4. Pp. 5–13. DOI: 10.14530/reg.2018.4.5 (In Russian)
6. Demyanenko A.N., Demyanenko N.A. About the Geographic Distribution of Economic Science in Asian Russia. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*. 2014. No. 4. Pp. 120–147. DOI: 10.14530/se.2014.4.120-147 (In Russian)
7. Demyanenko A.N., Demyanenko N.A., Ukrainsky V.N., Hizhnjak V.D. Deconcentration of Russian Economic Science and the Quality of Institutions. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2015. Vol. 2. No. 5–6. Pp. 70–84. DOI: 10.14530/reg.2015.5-6 (In Russian)
8. Yeliseyeva I.I. Non-Jubilee Remarks about Russian Economic Journals. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association]. 2016. No. 2. Pp. 169–171. (In Russian)
9. Gingras Y. *The Drifts of the Evaluation of Research: The Good Use of Bibliometrics*. Moscow, 2018. 184 p. (In Russian)
10. Gingras Y. *Sociology of Sciences*. Moscow, 2017. 112 p. (In Russian)
11. Gingras Y. The Transformations of the Production of Knowledge: From the Unit of Knowledge to the Unit of Account. In: *Gingras Y. The Drifts of the Evaluation of Research: The Good Use of Bibliometrics*. Moscow, 2018. Pp. 130–147. (In Russian)
12. Kirchik O., Gingras Y., Larivière V. Globalization of Scientific Communication: The «Anomalous» Case of Russia? In: *Gingras Y. The Drifts of the Evaluation of Research: The Good Use of Bibliometrics*. Moscow, 2018. Pp. 148–175. (In Russian)

13. Kleiner G.B. The Mission of an Academic Journal: Between Fundamental Approach and Topicality. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association]. 2011. No. 12. Pp. 171–173. (In Russian)
14. Libman A.M. Journals as a Selection Tool in Economics. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association]. 2011. No. 12. Pp. 174–177. (In Russian)
15. Merton R.K. Social Theory and Social Structure. Moscow, 2006. 873 p. (In Russian)
16. Minakir P.A. To Publish Impossible to Reject. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association]. 2011. No. 12. Pp. 177–179. (In Russian)
17. Naumov N.V. Territorial Organization of Economic Studies in the North of the Russian Far East. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2018. Vol. 5. No. 2. Pp. 52–63. DOI: 10.14530/reg.2018.2.52 (In Russian)
18. Polterovich V.M. The Mission of an Economic Journal and the Institution of Refereeing. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association]. 2011. No. 12. Pp. 194–196. (In Russian)
19. Radayev V.V. An Electronic Journal: Specifics of Performance and Audience Analysis. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association]. 2011. No. 12. Pp. 185–188. (In Russian)
20. Rubinshtein A.Y., Burakov N.A., Slavinskaya O.A. *Community of Economists and Russian Economic Journals (Sociological Measurements vs Bibliometric)*. Moscow, 2017. 83 p. (In Russian)
21. Sokolov M., Titaev K. «Provincial» and «Indigenous» Science in the Humanities and Social Sciences. *Antropologicheskii forum* [Forum for Anthropology and Culture]. 2013. No. 19. Pp. 239–275. (In Russian)
22. Tatarkin A.I. An Academic Journal as Seen from the Country Regions. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association]. 2011. No. 12. Pp. 182–185. (In Russian)
23. Ukrainsky V.N. Indexing of Urban and Regional Competitiveness: *pro et contra*. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2017. Vol. 4. No. 6. Pp. 77–81. DOI: 10.14530/reg.2017.6 (In Russian)

■ ■ ■
Для цитирования:

Демьяненко А.Н. О социологии науки и библиометрии: заметки по случаю юбилея // Регионалистика. 2019. Т. 6. № 2. С. 5–22. DOI: [10.14530/reg.2019.2.5](https://doi.org/10.14530/reg.2019.2.5)

For citing:

Demyanenko A.N. On the Sociology of Science and Bibliometrics: Notes on the Occasion of the Anniversary. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2019. Vol. 6. No. 2. Pp. 5–22. DOI: [10.14530/reg.2019.2.5](https://doi.org/10.14530/reg.2019.2.5) (In Russian)

ЛЕОНТЬЕВА**Эльвира
Октавьевна**

Доктор социологических
наук, доцент, заведующая
кафедрой

Тихоокеанский
государственный
университет,
ул. Тихоокеанская, 136,
Хабаровск, Россия, 680035

LEONTYEVA**Elvira
Oktayevna**

Doctor of sociology, associate
professor, head of department
Pacific National University,
136, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680035

elvira.leontyeva@gmail.com

УДК 316.4

**СТРАТЕГИИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКОВ
В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
И ИХ ВЛИЯНИЕ НА МИГРАЦИОННУЮ
АКТИВНОСТЬ В РЕГИОНЕ**

В статье на материалах эмпирического исследования рассматриваются образовательные стратегии семей дальневосточников, имеющих детей-старшеклассников и планирующих получение высшего образования после окончания школы. В качестве элементов стратегии изучались ожидания от вуза и мотивы получения высшего образования, направление, форма и уровень образования, риски и готовность к затратам, место обучения и готовность к миграции. По типу принятия решения стратегии были разделены на кооперативную, самостоятельную и авторитарную. Анализ типов стратегий в разрезе социально-демографических характеристик показал, что миграционная активность сильнее выражена у тех семей, где решения принимает ребёнок или родитель(и) и почти не выражена в кооперативной стратегии.

*Образовательная стратегия, высшее образование,
Дальний Восток, семья, миграция*

**STRATEGIES OF INHABITANTS OF THE
FAR EAST IN THE SPHERE OF HIGHER
EDUCATION AND THEIR INFLUENCE ON
MIGRATION ACTIVITY IN THE REGION**

Based on materials of empirical research, the article considers education strategies of families living in the Far East, having senior high school children and planning higher education for them upon school graduation. As strategy elements, expectations from university and motives for receiving higher education, majoring, full-time or part-time enrollment, level of education, risks and cost-bearing possibilities, place of education and preparedness to migrate have been studied. As for decision-making type, strategies have been divided into cooperative, independent, and authoritative. Analysis of strategy types in combination with social and demographic characteristics has shown that migration activity is stronger pronounced in families, where either child or parent(s) make the decision, and is almost invisible in cooperative strategy.

*Education strategy, higher education, Far East, family,
migration*

© Леонтьева Э.О.,
Резниченко А.П., 2019

РЕЗНИЧЕНКО**Александр
Павлович**

Аспирант

Тихоокеанский
государственный
университет,
ул. Тихоокеанская, 136,
Хабаровск, Россия, 680035**REZNICHENKO****Aleksandr
Pavlovich**

Post-graduate student

Pacific National University,
136, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680035skorp.nevi@mail.ru**Введение: постановка проблемы**

Изучение образовательных стратегий стало одним из популярных сюжетов в современной социальной науке, что позволяет говорить об особой традиции под условным названием «стратегический подход», успешно себя зарекомендовавшей не только при изучении образования. Многие социологи отмечают, что имплицитно отсылка к стратегическому пониманию социального действия вычитывается ещё из работ классиков социологии – Э. Дюркгейма, М. Вебера, Т. Парсонса, Р. Мертон. Однако в более явном виде на этот тип социального поведения обращают внимание П. Бурдьё и Э. Гидденс [1; 2], после которых стратегические взаимодействия стали рассматриваться как форма социальной организации, снимающая дихотомию между микро- и макромиром. Это, в свою очередь, предполагает некий средний уровень взаимодействия, примиряющий как претензии на абсолютное знание о социальном мире со стороны макросоциологии, так и безграничное погружение в глубину и смыслы со стороны микросоциологии. Успешность стратегического подхода объясняется как раз тем, что он изначально задаёт теоретическую рамку, упорядочивающую социальные факты, и тем самым выдерживает необходимую связь теоретического и эмпирического компонентов исследования.

Все эти преимущества обращения к категории «стратегия» стали особенно признаваться российскими авторами в 2000-х гг. после знакомства с работами зарубежных социологов и экономистов [6; 11]. Раньше всего начали использовать методологию стратегий в теориях управления (стратегический менеджмент) [18], а также представители экономической социологии [12] и экономики для наиболее компактного описания основных моделей поведения на рынке разных социальных групп.

В исследованиях образования стратегический подход начинает активно использоваться также после работ П. Бурдьё о стратегиях социального воспроизводства [1] и особой роли образования в процессе воспроизводства. В настоящее время изучение образования с позиций выявления «стратегий» стало почти что нормой. Так называют общероссийские мониторинги и работы, выполненные в рамках отдельных кейсов на региональном материале. Например, Д.Л. Константиновский понимает образовательную стратегию как продолжительный план перехода из текущего состояния в целевое [3; 8]. Приблизительно так же трактует образовательную стратегию и Д.С. Овчинников [10]: образовательные стратегии – это социальный феномен, который формируется, проявляется и реализуется на государственно-общественном и субъективно-личностном уровнях.

Существует также ряд работ [5; 13], рассматривающих понятие образовательной стратегии на государственном-общественном уровне. Так, А.И. Ракитов [13] рассматривает образовательные стратегии на макроуровне как инструмент государственной политики в сфере среднего профессионального и высшего образования.

Г.А. Чередниченко [22] рассматривает образовательную стратегию в более обширном контексте перехода молодёжи к самостоятельной жизни как один из множественных концептов, организующий этот переход. В большинстве случаев все авторы придерживаются либо широкого подхода, понимая под образовательной стратегией область государственной политики и планирования, либо узкого – когда образовательная стратегия связана с деятельностью определённых социальных групп – молодёжи, семей, студентов, школьников и т.д.

И, наконец, отдельно следует выделить авторов, обращающихся к исследованию семейных стратегий или исследующих роль семьи в выборе стратегии. На это обращает внимание, например, Н.О. Тиходеев [17], показывая факторы, определяющие результативность образовательного процесса детей (финансовые возможности, образовательный уровень, культурный капитал, окружение и социальные связи и т.д.).

Приведённый обзор показывает размытость, условность и широту использования категории «образовательная стратегия». Несмотря на это, она оказалась удобной для построения единой логики в отношении краткосрочных и долгосрочных планов семей на образование детей, готовность к затратам, возможные альтернативы и т.д. [3; 4; 8; 9]. Кроме того, категория «образовательная стратегия» может репрезентировать гораздо больше своего собственного содержания. Сквозь призму образовательных стратегий семей конструируются вполне определённые контуры региональной системы высшего образования и, как следствие, перспективы, в которых регион получает отдачу от неё. Так, например, через изучение образовательных стратегий можно прогнозировать внутрирегиональную и внешнюю образовательную миграцию [15]. Всё это позволяет считать изучение образовательных стратегий семей важной исследовательской задачей.

При том, что изучение образовательных стратегий достаточно часто привлекает внимание, отдельно для дальневосточных территорий таких исследований не проводилось. Между тем именно для этого региона наиболее остро стоит проблема миграционного оттока и закрепления населения. Связать эту тему с образовательными стратегиями семей и рассмотреть её на собранных эмпирических данных конкретно для дальневосточного региона – такие цели ставились в исследовании, по материалам которого написана данная статья.

Несмотря на особый статус Дальнего Востока, декларируемый в официальных документах, общероссийские опросы, как правило, в незначительной степени обращают на него внимание. На устранение этого пробела активно работают дальневосточные учёные, уделяя много внимания связи между миграционной активностью населения и высшим образованием [7; 19; 20; 21]. В настоящей статье их достижения были обобщены в новом ракурсе – как стратегии, типология которых проведена по типу и характеру принимаемого решения о получении образования. В основу статьи также положены данные эмпирического исследования 2016 г., проведённого по городам и некоторым районным центрам Хабаровского края.

Общие характеристики семей

Исследование предполагало использование специально разработанной анкеты при квотной территориальной выборке с отбором респондентов целевым образом (по критерию наличия детей-старшеклассников). В целом было опрошено 400 семей. Из них: 79,5% – полные

семьи, 20,5% – семьи с одним из родителей или опекуном; 97% – семьи с одним ребёнком; преобладающая возрастная когорта – от 40 до 49 лет (69,5%). Распределение по возрастным группам осуществлялось по возрасту родителя, участвующего в опросе (*табл. 1*).

Таблица 1

Распределение семей по возрасту

Возрастные группы, лет	Количество семей	Доля, %
35–39	96	24
40–49	278	69,5
50 и более	26	6,5

В разрезе уровня образования в выборке оказалось 84% семей с высшим образованием (один или оба из родителей имеют высшее образование), 13% семей со средним профессиональным (один или оба члена семьи имеют образование не выше среднего профессионального) и лишь 3% семей с образованием не выше среднего общего у обоих родителей.

Социальный статус семей определялся типом занятости: 0,75% составили семьи безработных, 4,5% – семьи рабочих, 13% – семьи служащих средней квалификации, 10% – семьи мелких предпринимателей (самозанятых), 15% – семьи специалистов высшей квалификации, 13% – семьи военнослужащих, 16% – семьи руководителей подразделений, 12,5% – семьи руководителей, заместителей руководителя предприятий, 13% – семьи собственников фирм, 2,25% – семьи других категорий. Статус семьи устанавливался по наивысшему статусному положению любого трудоспособного члена семьи (родителя). Ранжирование занятости семей, представленное в дальнейшем анализе данных, проводилось в соответствии с условно установленными уровнями статусного положения. Базовому уровню соответствовали семьи 1–3 рангов: безработные (домохозяин, домохозяйка); разнорабочий, сельскохозяйственный рабочий; служащие средней квалификации. Средней уровень составляли семьи 4–6 рангов: мелкие предприниматели и специалисты высокой квалификации, военнослужащие. Семьи 7–9 рангов (руководители подразделений предприятий, руководители предприятий, собственники крупных фирм) были отнесены к повышенному уровню [14].

Важным для нашего исследования было определение уровня материального положения семей, который определялся ответами на вопрос о наличии материальных возможностей домохозяйств. Результаты ответов респондентов были распределены по уровням. Минимальный уровень (30,25%) имеют семьи, в которых есть возможность купить одежду, посуду. Покупка нового холодильника и телевизора соотносится со средним уровнем (21,25%), отдых за рубежом, оплата обучения детей и покупка автомобиля соответствует уровню выше среднего (46%). Семьи, которые не имеют финансовых трудностей и могут себе позволить всё вышеперечисленное, в том числе покупку недвижимости, соответствуют повышенному уровню (2,5%) [14].

Отношение семей к получению образования и ожидания от него

Исследование показало, что к вопросу о будущем (после школы) образовании детей все семьи относятся очень серьёзно, только 1% семей, имея детей, обучающихся в 10–11 классах, не думают об этом. По степени определённости принятого решения о направлении и месте будущего образования наша выборка разделилась почти поровну. Чуть больше половины детей

(52%) сомневаются как в выборе направления (38%), так и места обучения (14%). И примерно половина детей (48%) уверена в своём выборе и точно знает, куда поступать и на кого учиться. Это означает, что старшеклассники, выбирающие продолжение образования в 10 и 11 классе, тотально ориентированы на поступление в вуз¹.

Для выявления предпочтений семей относительно уровня образования задавался вопрос о том, какой уровень образования родители считают достаточным для своего ребёнка. Любопытно, что лидирующие позиции здесь получило обучение в специалитете: его предпочли для своих детей в качестве достаточного 53% родителей. Это, с одной стороны, можно объяснить сильной инерцией рутинных практик советского высшего образования, с другой стороны, может свидетельствовать о сохранившемся высоком доверии к советской системе образования и специалитету как наиболее устойчивой его форме. Уровень «бакалавриат-магистратура» в целом выбирает 41% домохозяйств, из которых для 20% достаточным является бакалавриат, ещё 21% семей считает необходимым обучение в магистратуре. Намерения семей в получении детьми профессионального образования на уровне подготовки кадров высшей квалификации (аспирантура) выражены достаточно слабо: такие семьи составили 4%. Образовательные предпочтения семей по уровням профессионального образования в разрезе успеваемости школьников представлены в *таблице 2*.

Таблица 2

Выбор уровня образования с учётом успеваемости, %

Успеваемость ребёнка	Уровни профессионального образования					Всего
	среднее профессиональное образование	высшее образование				
		бакалавриат	специалитет	магистратура	аспирантура	
Только на «отлично»	—	—	—	3,0	1,25	4,25
На «отлично» и «хорошо»	—	4,5	13,5	4,5	1,25	23,75
Только на «хорошо»	—	5,25	18	7,5	1,5	32,25
В основном на «хорошо», но имеются и другие оценки	—	5	15	6	—	26
Больше на «удовлетворительно»	2	5,25	6,5	—	—	13,75
Итого	2	20	53	21	4	100

¹ Притязания семей в отношении получения детьми среднего профессионального образования (квалифицированные рабочие, служащие) выражены достаточно слабо: такие семьи составили лишь 2%. Это объясняется тем, что наши респонденты (семьи) были отобраны по целевому признаку – наличию детей, обучающихся в 10 и 11 классах. Вероятно, исследование, проведённое среди семей, имеющих учеников 8–9 классов показало бы более значимую ориентацию на среднее образование.

Со слов родителей школьников следует отметить довольно высокую оценку уровня их успеваемости: порядка 60% детей получают оценки «хорошо» и «отлично». Возможно, здесь имеет место склонность родителей завышать успехи своих детей для постороннего наблюдателя. Перекрёстный анализ переменных по успеваемости и выбору уровня образования показывает довольно сильную зависимость: чем выше успеваемость, тем выше уровень предполагаемого образования.

Выбор формы и направления обучения

Большинство семей (96%) предпочитает для своих детей очную форму обучения, и лишь 4% допускают очно-заочную (смешанную) форму. При этом важно отметить, что на момент проведения опроса респонденты указывали на возможность применения дистанционных образовательных технологий и электронного обучения, однако заочная форма обучения как таковая не находила у них поддержки.

Явным лидером с точки зрения областей получения образования¹ является группа, представленная социальными и гуманитарными науками. Их выбрали для своих детей в совокупности 52% опрошенных, из которых 37% отдали предпочтения экономике и юриспруденции. Вторую группу составляют информатика, естествознание и науки инженерно-технического профиля (26%). Третью позицию занимает медицина и здравоохранение: 10% родителей видят своих детей в числе будущих врачей. Условная группа «аутсайдеров» представлена науками об искусстве (4%), военными науками и обороной государства (4%), замыкают список приоритетов педагогические науки (2%). Таким образом, мы наблюдаем состояние социальной инерции в семейном выборе направлений подготовки. Образование по социальным и гуманитарным наукам в течение многих лет неуклонно пользуется высоким спросом. Так, численность выпускников, получивших высшее образование по этим направлениям в 2015–2017 гг., в разы превышает все остальные направления подготовки². И всё это вопреки трендам рынка труда, на протяжении всех этих лет формирующих запрос на специалистов инженерной и технической направленностей³.

Практически все семьи планируют поступление детей в вуз только на бюджетное место по результатам ЕГЭ (вне зависимости от показателей рейтинга вуза), такой позиции придерживаются 68% родителей. Доля семей, изначально готовых к обучению на договорной (платной) основе, составляет 17%, ещё 15% пока не приняли решения в отношении варианта поступления. Таким образом, примерно две трети поступающих в вузы однозначно ориентированы на бюджетное место, при этом как направление, так и качество подготовки являются второстепенными факторами.

Любопытным сюжетом было изучение готовности к затратам на высшее образование в случае, если ребёнок не поступает на бюджетное обучение (*рис. 1*). Большая часть респондентов (65%) утверждает, что в этом случае семья готова оплачивать обучение в хорошем вузе, используя дополнительные средства из семейного бюджета (37%) и средства образовательного кредита (28%). Некоторые семьи (16%) планируют отложить обучение на следующий год и попробовать поступать на бюджетное место повторно. И ещё одна группа семей (19%) ориентирована на обучение в среднем вузе по более низкой, доступной цене.

¹ Области образования приведены в соответствии с общероссийским классификатором специальностей по образованию ОК 009-2016.

² Труд и занятость в Росс ии. 2017: Стат. сб. / Росстат. М., 2017. С. 186.

³ http://www.gks.ru/free_doc/2017/potrorg/stb-potr16.rar

Рис. 1. Готовность семей к затратам на образование

При этом самым важным фактором при выборе вуза для обучения ребёнка 62% респондентов считают показатели рейтинга вуза (включая показатели по материальной базе). Вместе с тем высока доля тех домохозяйств, которые определяют для себя наличие вуза в своём регионе недалеко от дома (20%) и стоимость обучения (16%) как не менее значимые факторы. Для 2% семей существенным является социальная поддержка льготных категорий студентов [14]. Как показывает исследование, выбор родителей в пользу хорошего или обычного вуза в большей степени детерминирован материальным положением семьи (табл. 3).

Таблица 3

Детерминированность выбора вуза, материальным положением семьи, %

Выбор семьи	Уровень материального положения семей				Всего
	минимальный	средний	выше среднего	повышенный	
Обучение в среднем вузе, на который хватит предоставленных денег	6	6	7	—	19
Обучение в хорошем вузе	10,5 (образовательный кредит)	15 (образовательный кредит)	37 (дополнительные средства из семейного бюджета)	2,5 (образовательный кредит)	65
Не поступал бы в вуз в этом году.	13,75	0,25	2	—	16
Итого	30,25	21,25	46	2,5	100

Так, большая часть семей с достатком среднего уровня (37%) и все семьи повышенного уровня (2,2%) ориентированы на обучение детей в хорошем вузе вне зависимости от вида и характера привлекаемых средств.

Миграционные намерения в связи с поступлением в вуз

Исследование показало, что региональное высшее образование не является привлекательным как минимум для половины дальневосточных семей, имеющих детей-старшеклассников. Так, значительная часть респондентов (49%) намерена после окончания средней школы отправить своего ребёнка на дальнейшее обучение в другой регион России, а перспективу дать образование своим детям за границей видит 6,5% семей. Вместе с тем остаётся весомой доля тех домохозяйств, которые в основном ориентированы на вузы своего региона (44,5%) и связывают дальнейшее образование детей с вузами как по месту жительства (28,25%), так и других городов региона (16,25%) [14].

Миграционные планы семей зависят от статусного и материального положения (табл. 4).

Таблица 4

Выбор места обучения детей в зависимости от статусного положения родителей, %

Статусное положение семей	Намерения семей в обучении детей				Всего по уровням
	хотим учиться только по месту жительства, в своём городе	хотим учиться в своём регионе, но в другом городе	хотим учиться в России, но в другом регионе	хотим учиться за границей	
Базовый уровень	13	4	3,5	—	20,5
Средний уровень	10,25	7,5	20,25	—	38
Повышенный уровень	5	4,75	25,25	6,5	41,5
Итого	28,25	16,25	49	6,5	100

Так, существенная часть семей повышенного статусного положения (31,75% из 41,5%) демонстрирует активную миграционную стратегию, нацеленную на другие регионы России (25,25%) и зарубежье (6,5%). Этой же позиции придерживается почти половина (20,25% из 38%) домохозяйств среднего статусного положения, считающие привлекательными для получения образования иные регионы страны. Незначительная часть семей базового статусного положения (3,5%) также видит для себя перспективу обучения в других регионах, но для них основой в получении образования является региональное пространство. Таким образом, чем выше материальное положение и социальный статус семьи, тем более высокой является и миграционная активность в отношении места будущего обучения ребёнка [14].

Ценности и риски получаемого образования

Основными мотивами, определяющими необходимость получения высшего образования, в оценках родителей являются как критерии личного успеха (материальные блага), так и культурные ценности. В большинстве случаев родители связывают получение высшего образования с отдачей в виде будущих материальных благ (66%), накопление культурного капитала (34%) с существенным отрывом занимает вторую позицию. Задекларированная инструментальная ценность высшего образования в основном возможна при условии получения качественного высшего образования в вузе, имеющем высокий рейтинг [14].

Возможные риски при получении высшего образования представлены в *таблице 5*. Основная часть родителей к ним относится достаточно серьезно, только 7% семей не видит в этом сложностей. Большинство беспокоится за здоровье и безопасность ребёнка (52%). Остальная часть (41%) озадачена решением материальных сложностей образования детей. Основным фактором, обуславливающим возможные сложности в реализации образовательной стратегии, в большей степени для семей среднего и повышенного уровней статусного положения является «здоровье, безопасность и условия жизни ребёнка». В то время как для семей базового уровня статусного положения «материальные сложности» оказываются основными [14].

Таблица 5

Риски получения образования, %

Статусное положение семей	Факторы, обуславливающие возможные сложности для семьи в обеспечении реализации образовательной стратегии				Родители, которые не видят сложностей в обучении детей	Итого
	беспокойство за здоровье, безопасность и условия жизни ребёнка	высокие цены на обучение	содержание ребёнка в период обучения	отсутствие учебного заведения в своём регионе		
Базовый уровень	3,75	5,25	6,5	5	—	20,5
Средний уровень	23,75	5,75	4,5	3	1	38
Повышенный уровень	24,5	9	2		6	41,5
Итого	52	20	13	8	7	100

Типология образовательных стратегий

Полученные данные были систематизированы по типам образовательных стратегий. Типологический анализ проводился по принципу «две семьи похожи, близки по типу образовательной стратегии, если у них одинакова структура принятия решения» [16]. В качестве типологического признака был выбран такой критерий, как «характер принятия решения семьёй об обучении ребёнка», то есть стратегии выделялись на основании того, доминировала ли какая-то сторона (ребёнок или родитель(и)) в принятии решения либо решение принималось совместно.

В основном решение о продолжении образования принимается совместно ребёнком и родителями (72%). Вместе с тем достаточно высока доля тех, кто доверяет своим детям принимать такие решения самостоятельно – так утверждает 25% семей. Семей, в которых решение принимали родители, – меньшинство (всего 2%). Полученные 3 типа стратегий были обозначены как кооперативная, самостоятельная и авторитарная соответственно. По каждой из групп имеется большое количество пересечений, однако есть признаки, комбинация которых позволяет говорить о собственной специфике каждой из стратегий.

Самая распространённая – кооперативная – стратегия характерна для большей части выборочной совокупности (72%). Соответственно, для этой группы характерно и большинство общих характеристик, описанных выше. Так, эти семьи однозначно планируют получение

детьми высшего образования в очной форме. В рамках этой стратегии рассматриваются все уровни высшего образования, но приоритетным является специалитет. Основными направлениями подготовки считаются науки об обществе и гуманитарные науки. Однако специфика этой стратегии в том, что в ней больше, чем в других, выражено стремление родителей дать детям образование в сфере инженерного дела и технических наук, а также в математических и естественных науках. Другие признаки этой стратегии:

- поступление детей только на бюджетное обучение, как исключение возможно обучение за плату в среднем вузе своего региона;
- родители рассматривают обучение детей в другом регионе России как удобную возможность их трудоустройства на новом месте. В этой группе наиболее выражена та часть респондентов, которая в перспективе намерена покинуть регион проживания (ДФО).

Второй тип образовательной стратегии – самостоятельная – представлен четвертой частью в выборочной совокупности (25%). Решение о получении профессионального образования принимается в большей степени ребёнком самостоятельно. Как и все, такие семьи планируют получение детьми высшего образования в очной форме, но рассматривается только специалитет. Основными направлениями подготовки детей являются науки об обществе и гуманитарные науки.

Другие признаки этой стратегии:

- семьи к получению образования в сфере обеспечения обороны и безопасности государства в большей мере относятся безразлично;
- помимо поступления детей на бюджетное обучение родители в принципе рассматривают обучение по договорам на оказание платных образовательных услуг (для обучения в хорошем вузе) вне зависимости от характера привлекаемых средств;
- совместный выбор в пользу обучения детей в другом регионе России обусловлен средним уровнем статусного и материального положения семей.

Основные сложности обучения детей родители видят в возможных материальных затратах и проблеме их безопасности. Родители рассматривают обучение детей в другом регионе России как удобную возможность трудоустроиться на новом месте. В перспективе такие родители (хоть и небольшая их часть) всё-таки намерены покинуть регион проживания (ДФО).

Третий тип образовательной стратегии – авторитарная – наименее представлен в выборочной совокупности (2%), но показывает интересные результаты. Решение о получении профессионального образования принимается в большей степени родителями самостоятельно. Семьи в большинстве своём планируют получение детьми высшего образования в форме очного обучения, при этом как наивысший желаемый уровень образования рассматривается аспирантура. Основной направленностью в образовании являются медицинские науки. Поступление детей на бюджетное обучение родителями в принципе рассматривается, но при условии непоступления на бюджет они готовы платить за образование на любом этапе. Выбор в пользу обучения детей в другом регионе России обусловлен повышенным уровнем статусного и материального положения семей. Выбор образовательной организации обусловлен рекомендациями коллег. Основными мотивами в получении образования для семьи являются материальные блага. Обеспечение безопасности детей является основной сложностью в их обучении. Родители однозначно рассматривают обучение детей в другом регионе России. В перспективе родители намерены покинуть регион проживания (ДФО).

Перечисленные признаки сведены вместе в [таблице 6](#).

Таблица 6

Особенности образовательных стратегий семей

Характеристика	Типы образовательных стратегий		
	кооперативная (72%)	самостоятельная (25%)	авторитарная (2%)
Уровень материального и статусного положения семей	минимальный, средний, выше среднего	выше среднего, повышенный	повышенный
Решение о получении образования	принимается совместно детьми и родителями	принимается ребёнком самостоятельно	принимается родителями самостоятельно
Уровень образования	бакалавриат, магистратура, специалитет	специалитет	аспирантура
Форма обучения	очная		
Направления подготовки (специальность)	образование в сфере инженерного дела и технических наук, в сфере математических и естественных наук; образование в сфере обеспечения обороны и безопасности государства.	науки об обществе и гуманитарные науки	медицинские науки
Обучение	бюджет, как исключение – платные образовательные услуги или поступление на бюджет в следующем году	бюджет и платные образовательные услуги	платные образовательные услуги
Регион обучения (в приоритетном порядке)	– регион места жительства; – другой регион России	– другой регион России; – регион места жительства	другой регион России
Регион проживания после завершения обучения	определён местом обучения	другой регион России	другой регион России

Проведённая типология образовательных стратегий семей дальневосточников позволила также выявить доминирующие мотивы по каждому из типов стратегий и выстроить их конфигурацию, наиболее выразительно показывающую разницу между типами стратегий (рис. 2).

Обозначим особенности мотивации по каждому типу образовательной стратегии:

- в кооперативной стратегии получение образования детьми в большей степени соотносится с инструментальными ценностями (хорошо оплачиваемая работа; специалист, который везде нужен; успех и карьера), культурные установки (найти творческую работу; стать культурным человеком; пользоваться уважением окружающих) занимают второстепенную позицию.
- в самостоятельной стратегии образовательный выбор семьи говорит о комплексном подходе: прагматичные установки родителей основываются на культурном осознании будущего детей.
- авторитарная стратегия целиком и полностью мотивирована сугубо материальными и статусными установками.

Рис. 2. Структура мотивации семей к получению высшего образования по каждому типу образовательных стратегий

Рисунок 2 показывает, что только в самостоятельной стратегии оптимальным образом сочетаются материальная отдача от высшего образования и ценности, связанные с накоплением культурного капитала и самореализацией. Это значит, что чем больше сам обучающийся отстранён от принятия решения, тем меньше возможностей и желания самореализации в будущей профессии и образовании он видит, тем более утилитарным будет его отношение к получаемому образованию.

Заключение

Изучение образовательных стратегий семей дальневосточников показало, что чем выше материальное и статусное положение семьи, тем больше она ориентирована на обучение детей за пределами дальневосточного региона и тем выше её готовность к оплате образования детей.

В ситуации, когда решение принимается совместно родителями и детьми (кооперативная стратегия), более выражена ориентация к обучению на бюджетном месте в своём регионе с минимальными рисками и затратами. Две другие стратегии (самостоятельная и авторитарная) показывают готовность семей к обучению в другом регионе на договорном (платном) месте, рискам и затратам на обучение. При этом если решение принималось родителями (авторитарная стратегия), то мотивация такого выбора объясняется будущими приобретениями от высшего образования в виде материальных благ. В случае если решение принималось обучающимся

(самостоятельная стратегия), то основной мотивацией к обучению является накопление культурного капитала и ценности самореализации.

В целом, миграционная активность семей на уровне перехода детей от школы к вузу достаточно высока – примерно половина выпускников школ готова к тому, чтобы уехать в другой регион для дальнейшего обучения в вузе. При этом конкретные направления миграции для каждого из районов края определяются ближайшей точкой притяжения, доступной для получения образования. В этом направлении исследование оставляет открытым ряд вопросов о внутрирегиональных отличиях в образовательных стратегиях.

Список литературы

1. Бурдье П., Пассрон Ж.-К. Воспроизводство: элементы теории системы образования. М.: Просвещение, 2007. 267 с.
2. Гидденс Э. Устроение общества. Очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2005. 528 с.
3. Константиновский Д.Л. Неравенство и образование. Опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е годы – начало 2000-х). М.: ЦСП, 2008. 552 с.
4. Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чердниченко Г.А., Хохлушкина Ф.А. Образовательные и жизненные траектории молодежи: 1998–2008 годы. М.: ЦСПиМ, 2011. 296 с.
5. Костина Н.Б., Дуран Т.В. Государственные стратегии в сфере высшего образования: содержание, виды, субъекты // Вопросы управления. 2016. № 3. С. 124–132.
6. Минцберг Г., Альстрэнд Б., Лэмпел Дж. Школы стратегий. СПб.: Питер, 2000. 336 с.
7. Напалкова А.А., Овчинникова И.А. Исследование спроса на рынке услуг высшего профессионального образования Дальневосточного федерального округа // Вестник ТГЭУ. 2013. № 4. С. 64–80.
8. Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи: 50 лет исследования. М.: ЦСПиМ, 2015. 232 с.
9. Образовательные стратегии школьников старших классов в 2013 г. Информационный бюллетень. М.: Высшая школа экономики, 2015. 56 с.
10. Овчинников Д.С. Формирование образовательных стратегий учащихся: социологический аспект: автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2010. 23 с.
11. Олдрич Х. Предпринимательские стратегии в новых организационных популяциях // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН, 2004. С. 211–225.
12. Радаев В.В. Еще раз о предмете экономической социологии // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 3. С. 21–34.
13. Ракитов А.И. Образовательные стратегии // Социология науки и технологий. 2011. Т. 2. № 3. С. 40–50.
14. Резниченко А.П. Образовательные стратегии семей дальневосточников (по материалам эмпирического исследования) // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2017. № 3. С. 209–218.
15. Санникова О.В. Некомпенсируемая образовательная миграция как проблема развития российского региона // Теория и практика общественного развития. 2015. № 24. С. 19–21.
16. Татарова Г.Г. Основы типологического анализа в социологических исследованиях. М.: Новый учебник, 2004. 206 с.
17. Тиходеев Н.О. Образовательные стратегии Российских семей в условиях реформы системы образования (на примере Санкт-Петербурга) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2014. № 2. С. 213–220.
18. Томпсон А.А., Стрикленд А.Дж. Стратегический менеджмент. Искусство разработки и реализации стратегии. М.: Банки и биржи, ЮНИТИ, 1998. 576 с.

19. Тонконог С.В., Завалишин А.Ю. Образовательное поведение выпускников школ Хабаровского края (по материалам эмпирического исследования) // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2014. № 3. С. 267–276.
20. Тюрина Ю.А. Высшее образование как механизм закрепления молодёжи в Дальневосточном регионе // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–1. URL: <https://science-education.ru/article/view?id=18522> (дата обращения: 20.03.2019).
21. Тюрина Ю.А. Стратегии адаптации дальневосточной молодёжи в контексте высшего образования – трудоустройство // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2013. № 3. С. 184–193.
22. Чередниченко Г.А. Образовательные и профессиональные траектории молодёжи: исследовательские концепты // Социологический журнал. 2013. № 3. С. 53–74. DOI: 10.19181/socjour.2013.3.420

References

1. Bourdieu P., Passeron J.-C. *The Reproduction: Elements for a Theory of Educational System*. Moscow, 2007. 267 p. (In Russian)
2. Giddens A. *The Constitution of Society: The Outline of the Theory of Structuration*. Moscow, 2005. 528 p. (In Russian)
3. Konstantinovskiy D.L. *Inequality and Education. Attempt of Sociological Research on the Life Starts of the Russian Youth (1960th – Beginning of 2000th)*. Moscow, 2008. 552 p. (In Russian)
4. Konstantinovskiy D.L., Voznesenskaya E.D., Cherednichenko G.A., Hohlushkina F.A. *Education and Life Trajectories of Youth: 1998–2008 Years*. Moscow, 2011. 296 p. (In Russian)
5. Kostina N.B., Duran T.V. National Strategies in the Field of Higher Education: Content, Types, Subjects. *Voprosy upravleniya* [Management Issues]. 2016. No. 3. Pp. 124–132. (In Russian)
6. Mintzberg H., Ahlstrand B., Lampel J. *Strategy Safari: A Guided Tour through the Wilds of Strategic Management*. S.-Petersburg, 2000. 336 p. (In Russian)
7. Napalkova A.A., Ovchinnikova I.A. Demand Research in the Market of Higher Education Services in the Far Eastern Federal District. *Vestnik TGEU* [PSUE Bulletin]. 2013. No. 4. Pp. 64–80. (In Russian)
8. *New Meanings in Educational Strategies of Youth: 50 Years of Research*. Moscow, 2015. 232 p. (In Russian)
9. *The Educational Strategy of School Students of High School in 2013. Newsletter*. Moscow, 2015. 56 p. (In Russian)
10. Ovchinnikov D.S. *Formation of Educational Strategy of Pupils: Sociological Aspect*. Abstract of Ph.D. in Sociological Sciences. Moscow, 2010. 23 p. (In Russian)
11. Aldrich H. Entrepreneurial Strategies in New Organizational Populations. In: *Western Economic Sociology: Anthology of Modern Classics*. Moscow, 2004. Pp. 211–225. (In Russian)
12. Radayev V.V. Once Again to the Subject of Economic Sociology. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology]. 2002. T. 3. No. 3. Pp. 21–34. (In Russian)
13. Rakitov A.I. Educational Strategy. *Sotsiologiya nauki i tekhnologiy* [Sociology of Science & Technology]. 2011. T. 2. No. 3. Pp. 40–50. (In Russian)
14. Reznichenko A.P. Educational Strategies of the Far Eastern Families (Based on Empirical Research). *Vestnik Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Pacific National University]. 2017. No. 3. Pp. 209–218. (In Russian)
15. Sannikova O.V. Uncompensated Educational Migration as a Problem of Development of a Russian Region. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development]. 2015. No. 24. Pp. 19–21. (In Russian)
16. Tatarova G.G. *Fundamentals of Typological Analysis in Sociological Research*. Moscow, 2004. 206 p. (In Russian)

17. Tikhodeyev N.O. Education Strategies of Russian Families under Permanent Educational Reforms. Saint-Petersburg Case. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika* [Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogics]. 2014. No. 2. Pp. 213–220. (In Russian)
18. Thompson A.A., Jr., Strickland A.J. III. *Crafting & Implementing Strategy: Text and Readings*. Moscow, 1998. 576 p. (In Russian)
19. Tonkonog S.V., Zavalishin A.Yu. Educational Behavior of School Graduates in Khabarovsk Region (Based on Materials of Empirical Research). *Vestnik Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Pacific National University]. 2014. No. 3. Pp. 267–276. (In Russian)
20. Tyurina Yu.A. Higher Education as a Mechanism for Keeping Youth in the Far East. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education]. 2015. No. 1–1. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18522> (accessed 20 March 2019). (In Russian)
21. Tyurina Yu.A. Adaptation Strategies of Far Eastern Youth in Terms of Higher Education and Employment. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke* [The Humanities and Social Studies in the Far East]. 2013. No. 3. Pp. 184–193. (In Russian)
22. Cherednichenko G.A. Educational and Professional Trajectories of the Youth: Research Concepts. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal]. 2013. No. 3. Pp. 53–74. DOI: 10.19181/socjour.2013.3.420 (In Russian)

■ ■ ■
Для цитирования:

Леонтьева Э.О., Резниченко А.П. Стратегии дальневосточников в сфере высшего образования и их влияние на миграционную активность в регионе // Регионалистика. 2019. Т. 6. № 2. С. 23–37. DOI: [10.14530/reg.2019.2.23](https://doi.org/10.14530/reg.2019.2.23)

For citing:

Leontyeva E.O., Reznichenko A.P. Strategies of Inhabitants of the Far East in the Sphere of Higher Education and Their Influence on Migration Activity in the Region. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2019. Vol. 6. No. 2. Pp. 23–37. DOI: [10.14530/reg.2019.2.23](https://doi.org/10.14530/reg.2019.2.23) (In Russian)

БАРАШОК
Ирина
Викторовна

Кандидат исторических наук,
доцент

Дальневосточный
федеральный университет
ул. Суханова, 8,
Владивосток, Россия, 690950

BARASHOK
Irina
Viktorovna

Ph.D. in history, associate
professor

Far Eastern Federal University
8, Sukhanova Street,
Vladivostok, Russia, 690950

irina-barashok@yandex.ru

© Барашок И.В.,
Косолапов А.Б.,
Руденко Л.Л.,
Овчаренко Н.П., 2019

УДК 338.48-2-053.2(09)»18/19»

**ДЕТСКИЙ ТУРИЗМ ПРИМОРСКОГО КРАЯ
(КОНЕЦ XIX–XX ВВ.): РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ
ВЗГЛЯД НА РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННО-
СТИ РАЗВИТИЯ**

Статья посвящена рассмотрению процесса становления и развития детского туризма в Приморском крае. Анализ архивных материалов и опубликованных документов показал неразрывную связь детского туризма в Приморском крае с общеисторическими, политическими, социально-экономическими, культурными и педагогическими процессами, происходившими в России в конце XIX–XX вв. Приобщение детей к массовому туризму имело преимущественно местную, региональную направленность, что позволяло, наряду с исследованиями научных коллективов, расширять природоведческую и историко-культурную базу Приморского края.

Детский туризм, краеведение, Приморский край

**CHILDREN TOURISM IN PRIMORSKY
KRAI (LATE OF 19TH – 20TH CENTURIES):
A RETROSPECTIVE VIEW OF REGIONAL
DEVELOPMENT FEATURES**

Article is devoted to consideration of process of formation and development of children's tourism in Primorsky Krai. The analysis of archival materials and the published documents showed indissoluble connection of children's tourism in Primorsky Krai with the general historical, political, social and economic, cultural and pedagogical processes which were taking place in Russia in the end of the XIX–XX centuries. Familiarizing of children with mass tourism had mainly a local, regional focus that allowed to expand, along with researches of research teams, naturalists' and historical and cultural local history base of Primorsky Krai.

Children tourism, tourism history, Primorsky Krai

**КОСОЛАПОВ
Александр
Борисович**

Доктор медицинских наук,
профессор, заведующий
кафедрой

Московский государственный
институт индустрии туризма
имени Ю.А. Сенкевича
Кронштадтский бульвар, 43 а,
Москва, Россия, 125499

**KOSOLAPOV
Aleksandr
Borisovich**

Doctor of medical sciences,
professor, head of department
Moscow State Institute of
Tourism Industry named after
Yu.A. Senkevich
43a, Kronshtadsky Boulevard,
Moscow, Russia, 125499

abkosvlad@mail.ru

Введение

Детский туризм как социальный феномен имеет большое значение для формирования интеллекта и мировоззрения подрастающего поколения, расширения социальных связей, повышения двигательной активности [7; 15; 16]. Он является частью не только туристской индустрии, но и частью общеобразовательной и воспитательной системы. Как пишет Ю.С. Константинов, специфической особенностью туризма выступает способность оказывать комплексное воздействие на «ум, тело и душу растущего ребёнка» [6, с. 9], оттачивая разные грани личности. Эта уникальнейшая способность туризма является неоспоримым достоинством, педагогическим ресурсом, потенциал которого можно эффективно задействовать во внеклассной работе школы. В советский период детский туризм рассматривался как мощное идеологическое средство и активно развивался в системе образования. За годы экономических реформ, в условиях рыночных отношений стала разрушаться складывавшаяся веками, традиционная русская система образования и воспитания. Школа устранилась от воспитательного процесса, полностью сосредоточившись на обучении. Вследствие чего формы внеаудиторной, внешкольной работы постепенно утратили актуальность.

В современных условиях ретроспективный анализ становления и развития детского туризма в аспекте длительного временного периода представляется весьма актуальной задачей, так как позволяет, во-первых, рассмотреть детский туризм как целостное социально-экономическое явление, выявить факторы, оказывающие воздействие на функционирование детского туризма, формы организации, историческую динамику феномена, во-вторых, позволяет изучить и оценить тот богатый опыт, который был накоплен за долгий исторический период, с целью совершенствования и практического использования системы детского туризма на современном этапе. Немаловажным становится и изучение регионального аспекта детской туристской активности с целью выделения специфических особенностей детского туризма, который развивался на приграничной территории, в условиях удалённости от центральных районов страны. Исследование авторского коллектива – это первая попытка комплексного исторического анализа, в котором представлен процесс становления и динамика развития детской туристско-экскурсионной активности на региональном уровне.

Становление детского туризма в Приморском крае происходило в сложных социально-экономических условиях функционирования российского и советского государств. Массовые проявления общественной активности, в том чис-

**РУДЕНКО
Людмила
Лазаревна**

Кандидат технических наук,
доцент

Дальневосточный
федеральный университет
ул. Суханова, 8,
Владивосток, Россия, 690950

**RUDENKO
Ludmila
Lazarevna**

Ph.D. in technical sciences,
associate professor
Far Eastern Federal University
8, Sukhanova Street,
Vladivostok, Russia, 690950

ludrudenko@inbox.ru

ле и детское туристское движение, приобретали в Приморском крае специфический региональный характер в связи с его приграничным положением, значительной отдалённостью от центральных районов страны, выходом к Тихому океану и странам Азиатско-Тихоокеанского региона, стратегическим военно-геополитическим значением, недостаточным развитием социальной инфраструктуры. Огромные расстояния между крупными населёнными пунктами, преобладание на обширных территориях таёжных ландшафтов, субкомфортность климата в межсезонье и зимние месяцы оказывали влияние как на массовость, так и на формы проявления туристской инициативы детей и организаторов детского туризма.

В процессе исследования использован комплекс методов: исторический, нарративный, статистический. Исторический метод позволил в рамках длительного временного периода проследить становление и развитие детского туризма в контексте происходящих социально-экономических, культурных, педагогических процессов. Большой массив архивных материалов, текстов педагогической литературы, статей был исследован посредством нарративного метода, что позволило объединить весь материал в единое повествование и выявить особенности развития детского туризма в Приморском крае в условиях отдалённости от центральных районов страны. Статистический метод позволил провести анализ количественных показателей, которые дают объективную картину развития детского туризма в Приморье и подтверждают его массовый характер.

В исторической науке вопросы развития детского туризма изучены крайне слабо. В основном представлены работы по истории отечественного туризма [3; 5; 10]. С 2000-х гг. появляются исследования по изучению особенностей регионального туризма, в том числе – детско-юношеского туризма. Представляют интерес исследования по истории педагогики и образования, в которых отражены социально-педагогические аспекты детского туризма. К ним относятся в основном работы дореволюционного периода, указывающие на необходимость использования форм краеведческой работы в учебном процессе [2; 8; 11]. В советский период о педагогической ценности туризма и краеведения писал В.А. Сухомлинский [9], а становление и развитие детского туризма освещены в работе Ю.С. Константинова [7].

Основу источниковой базы исследования составили документы, хранящиеся в фондах Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ) и Государственного архива Приморского края (ГАПК). Многие архивные документы впервые вводятся в научный

ОВЧАРЕНКО**Наталья
Петровна**Кандидат технических наук,
доцентДальневосточный
федеральный университет
ул. Суханова, 8,
Владивосток, Россия, 690950**OVCHARENKO****Natalia
Petrovna**Ph.D. in technical sciences,
associate professorFar Eastern Federal University
8, Sukhanova Street,
Vladivostok, Russia, 690950ovcharenkon@mail.ru

оборот. Отдельную группу источников составляют педагогические сочинения и материалы центральной, краевой и районной печати.

**Детская экскурсионная активность
в Приморье дореволюционного периода**

Зарождение детского туризма в России относится ко второй половине XIX в. – периоду формирования отечественной системы образования и внедрения в общеобразовательные школы метода наглядного обучения. Необходимость использования в учебном процессе ближних и дальних прогулок и экскурсий с посещением природных и рукотворных объектов теоретически обосновал знаменитый русский педагог К.Д. Ушинский. По его мнению, наибольшее воздействие на духовно-нравственное развитие детей оказывает посещение ими населённых пунктов, имеющих более выраженную «цивилизованность», а наблюдения за природой по своему эмоциональному и воспитательному значению гораздо эффективнее вербального общения учителя и ребенка [11, с. 90–92]. Путешествия и экскурсии по окрестностям с целью изучения окружающей природы, познания истории родного края К.Д. Ушинский называл «Отечествоведением».

Идеи К.Д. Ушинского получили развитие в научно-педагогической литературе второй половины XIX – начала XX вв. Известный писатель и педагог Д.Д. Семёнов теоретически обосновал важность краеведческих наблюдений [8], а педагог В.Т. Вахтерев в книге «Основы новой педагогики» (1913 г.) на многочисленных примерах подтвердил всесторонность и комплексность воздействия на учеников реальных предметов и явлений природы [2, с. 373–375]. Таким образом, ещё в дореволюционный период были заложены теоретические основы для развития детского туризма и краеведения как традиционных средств обучения и воспитания.

Специальные методики краеведческих наблюдений расширяли кругозор детей, воспитывали патриотизм и нравственность, любовь к малой родине. Прогрессивные учителя проводили экскурсии с учащимися по интересным местам своего города, ближним и дальним пригородам. От западных границ до восточных окраин Российской империи краеведческие экскурсии постепенно становились частью школьных программ. По воспоминаниям старожилов (А.П. Косолапов, 1890–1965 гг.; М.И. Косолапова, 1892–1990 гг.), во Владивостоке в 1905–1908 гг. в дни «золотой осени» школьники старших классов вместе с учителями и родителями выезжали на подводах в район Первой Речки (ныне микрорайон Владивостока) для сбора винограда, лимонника и актинидии. В те

плые весенние и осенние дни организовывались пешеходные прогулки в лесном массиве за Покровским кладбищем (ныне городской парк). Для воспитанников женской гимназии Владивостока устраивались экскурсии на Орлиную сопку и на Семёновский покос, расположенный у берега Амурского залива.

Экскурсионная и краеведческая работа учителей с привлечением школьников 5–10-х классов – один из ярких примеров эффективного развития принципов и методов организации учебно-образовательной деятельности в истории отечественной педагогики.

Расширению школьной экскурсионной деятельности способствовало введение Министерством путей сообщения тарифа № 6900 от 9 марта 1902 г. для бесплатного проезда по железным дорогам России на расстояние до 50 вёрст учащихся низших учебных заведений [6, с. 9].

Первые массовые туристские мероприятия в Приморской области пришлось на последние годы XIX в. В 1899 г. «Русский туринг-клуб», объединявший любителей велосипедных прогулок, открыл представительства в 135 городах и местностях России, в том числе во Владивостоке. Были заключены договоры с гостиницами, ресторанами, торговыми фирмами и ремонтными мастерскими, на основании которых члены клуба получали значительные скидки на проезд, проживание, питание и ремонт велосипедов¹. К 1903 г. во Владивостокском комитете «Русского туринг-клуба» состояло 240 членов и среди них – несколько десятков семей с детьми дошкольного и школьного возраста [12, с. 204]. Члены клуба организовывали массовые выезды в пригороды Владивостока, соревновались на скорость и дальность велозабегов, а чемпион Владивостока А. Петерсен в 1910 г. был приглашён в Благовещенск для участия в велосипедных гонках [4].

В конце XIX – начале XX вв. Владивосток ежегодно посещали многочисленные группы учащихся школ и училищ. Только в июне – июле 1913 г. в город прибыло пять групп экскурсантов: из Благовещенска, Москвы, а также из Варшавы, Японии и из сельских районов Приморской области². Группа экскурсантов из Благовещенска в составе 250 человек по пути во Владивосток посетила Приамурскую выставку в Хабаровске³. Из Москвы по Транссибирской магистрали вместе с детьми во Владивосток прибыло 45 «учителей и учительниц». Их встречали и сопровождали учителя местных школ. Гостей разместили в Черепановской и Николаевской Русско-китайской школах. Трёхдневная программа пребывания включала посещение наиболее интересных мест:

«25 июня – прогулка по бухте Золотой Рог, осмотр, стоящих на рейде крейсеров, миноносков и одной подводной лодки. Закуска в саду «Италия»; осмотр музея, посещение Китайского театра.

26 июня – посещение острова Русский.

27 июня – поездка на полуостров Янковского»⁴.

В дни пребывания во Владивостоке детей из Благовещенска императорский Японский Генеральный консул во Владивостоке сообщил городскому Голове о прибытии 30 июня 1913 г. из города Отару на пароходе «Кацу-Мару» 30 экскурсантов – студентов старших классов Отарского Коммерческого института вместе с сопровождающим их профессором Сима: «Цель

¹ Русский турист. 1899. С. 3.

² Документы (переписка, программы, уставы) о проведении экскурсий и др. видах обучения и внешкольного воспитания за 1911–1919 гг. (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 3. Д. 14. Л. 51).

³ Там же. Л. 37.

⁴ Там же. Л. 40.

поездки – знакомство с г. Владивостоком и местным торгово-промышленным бытом»¹. Следом за японскими студентами, в начале июля 1913 г. во Владивосток прибыло 40 учащихся Варшавского учебного округа². Наряду со школьниками и студентами, приезжавшими изда- лека, в период летних и зимних каникул Владивосток посещали дети, проживающие в сёлах Приморской области. О каждой поездке руководители провинциальных учебных заведений информировали городскую управу сообщениями, например, такого содержания: «Учащимися Поповского, Хорольского, Старо-Бильмановского, Ново-Бильмановского и Лукашевского при- ходских училищ будет совершена экскурсия в г. Владивосток. Группа состоит из 67 учащихся и 9 сопровождающих»³.

Детские экскурсионные поездки организовывались с образовательными целями и поль- зовались большой популярностью [4]. В летнее время года дети размещались в спортивных залах общеобразовательных школ, спали на спортивных матах, завтракали в школьных столо- вых, а обедали и ужинали в городских столовых по абонементам⁴. Экскурсантам предоставля- лась льгота – бесплатный проезд на владивостокском трамвае⁵.

Военно-стратегическое положение Владивостока вносило существенные ограничения в экскурсионные программы, поэтому для посещения многих интересных объектов следовало получить специальное разрешение должностных лиц. Вот выдержка из обращения городского Головы к командиру Владивостокского порта:

«Желая дать экскурсантам по возможности полную картину жизни и деятельности г. Вла- дивостока, что для экскурсантов крайне интересно и поучительно, осмотреть учреждения Во- енного порта, а именно: сухой и плавучий док, мастерские, а также памятник «Крейсерку». Го- родская управа покорнейше просит не отказать в предоставлении экскурсантам возможности осмотра означенных подведомственных учреждений»⁶.

Для осмотра крейсеров, подводной лодки, миноносков аналогичные обращения город- ского Головы направлялись командиру Сибирской флотилии в Тихом океане. Для посещения острова Русский и осмотра оборонных объектов требовалось разрешение коменданта Влади- востокской крепости⁷.

Развитие детского туризма в Советском Приморье: первые годы

В первые годы после установления Советской власти различные формы детской экскур- сионной активности носили ярко выраженный децентрализованный региональный характер и во многом зависели от активной жизненной позиции учителей, чиновников, военных чи- нов, интеллигенции. Первые попытки государственного регулирования экскурсионной и ту- ристской работы с детьми хронологически совпадают с созданием в июле 1918 г. Российской коммунистической партии (большевиков). Туристское движение рассматривалось как одна из форм участия трудящихся в строительстве социалистического общества, их идейно-политиче- ского воспитания, в осуществлении культурных преобразований в России и СССР [7, с. 24]. В декабре 1918 г. по решению Наркомата просвещения РСФСР создаётся «Бюро школьных экс- курсий». Эта дата считается днём рождения детского туризма в России.

¹ Документы (переписка, программы, уставы) о проведении экскурсий и др. видах обучения и внешкольного вос- питания за 1911–1919 гг. (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 3. Д. 14. Л. 51).

² Там же. Л. 41.

³ Там же. Л. 37.

⁴ Там же. Л. 30).

⁵ Там же. Л. 42.

⁶ Там же. Л. 43.

⁷ Там же. Л. 44–45.

В Приморской области организацией детского туризма занялись на 4 года позже, чем в центральных районах России, из-за продолжавшейся до октября 1922 г. Гражданской войны и интервенции. Но уже в начале 1923 г. по указанию Наркомпроса инспекторы КрайОНО во Владивостоке начали экскурсионно-туристскую работу со школьниками¹.

В 1928 г. при Владивостокском отделе государственного Русского географического общества (Общества изучения Амурского края) был создан кружок юных краеведов. Его возглавили известные учёные и путешественники А.И. Разин и В.К. Арсеньев, которые, несмотря на большую занятость, читали лекции школьникам-краеведам, организовывали экскурсии на хребет Богатая Грива в пригороде Владивостока, на острова Путятина и Аскольда. Кроме Русского географического общества методическую и организационную поддержку экскурсионного дела осуществлял Владивостокский Дом пионеров, тесно сотрудничая со школами, а в летний период – с пионерскими лагерями [13, с. 32].

В 1930-е гг. детский туризм в Приморском крае не выходил за рамки школьных программ и развивался в основном за счёт инициативы отдельных учителей. Классные руководители, учителя физической культуры и родители-активисты организовывали обзорные и тематические экскурсии и походы школьников, проводили пионерские слёты на природе.

В 1935 г. по распоряжению Краевого отдела народного образования в штат Владивостокского Дома пионеров и школьников была введена должность краевого инструктора по школьному туризму и краеведению, просуществовавшая до 1947 г.²

Наибольший размах туристско-экскурсионной деятельности пришёлся на предвоенный период 1936–1941 гг. В 1937 г. Правительство РСФСР издаёт Постановление «О реорганизации краеведческой работы в центре и на местах», закрепляющее и расширяющее краеведческую составляющую в экскурсионной деятельности детских и школьных коллективов. Однако официальный статус детский туризм в Приморье приобретает спустя три года, когда на основании приказа № 275 от 11 августа 1940 г. по Приморскому краевому отделу народного образования (КрайОНО) во Владивостоке открывается Приморская детская экскурсионно-туристская станция (ДЭТС), ставшая преемником экскурсионной деятельности Дома пионеров [14].

Открытие Приморской ДЭТС как самостоятельного учреждения способствовало активизации туристской деятельности во всех учебных заведениях Приморского края. В штате ДЭТС работали 3 методиста, которые ежегодно повышали свою квалификацию в Центральной ДЭТС Министерства просвещения РСФСР, в Центральном институте повышения квалификации работников отделов народного образования (ЦИПКРОНО), на курсах и семинарах ЦК ВЛКСМ. Все районы Приморского края были закреплены за методистами, отвечавшими за организацию детского туризма.

Разрабатывая маршруты по Приморскому краю, сотрудники Приморской ДЭТС постоянно обращались за методической и организационной помощью к действительным членам Географического общества Дальневосточного филиала Академии наук и методистам Приморского краевого музея им. В.К. Арсеньева³. К 1940-м гг. в туристском движении участвовало более полутора тысяч школьников Приморского края [13]. К активной экскурсионной и туристской деятельности были привлечены профессиональные союзы и другие общественные организации. В Приморском крае, как и по всей стране, ширилось физкультурно-спортивное и турист-

¹ Дипломная работа студентки историко-правового факультета А.И. Бессаловой «Из истории развития школьного туризма и краеведения в Приморском крае за годы Всесоюзных экспедиций пионеров и школьников 1955–1960 гг.» (ГАПК. Ф. 1211. Оп. 1. Д. 3. Л. 17).

² Там же. Л. 17.

³ Там же. Л. 30.

ское движение, ставшее поистине всенародным. Итоги походов по Приморью отражались в путевых дневниках, фотографиях, отчётах. Собранные природные образцы использовались при организации школьных краеведческих уголков, выставок и музеев, а также для изготовления учебных наглядных пособий¹.

В годы Великой Отечественной войны детская туристско-краеведческая деятельность в Приморском крае приобрела черты, характерные для военного времени. Дальние походы не проводились, а вся экскурсионно-туристская деятельность свелась к экскурсиям в воинские части и выезды в ближние пригороды для сбора лекарственных растений, грибов и ягод для госпиталей. Преимущественно потребительская ориентация экскурсий сохранялась до конца 1947 г. – вплоть до отмены карточной системы и проведения денежной реформы².

Послевоенный период

Послевоенный процесс восстановления промышленности и народного хозяйства создал предпосылки для улучшения социального обеспечения населения, реализации социально-ориентированных программ, в том числе программ развития туристской активности детей и подростков.

После семилетнего перерыва (1941–1947 гг.) по указанию Министерства просвещения СССР и в соответствии с приказом КрайОНО № 405 от 10 ноября 1947 г. во Владивостоке на базе Дома пионеров и школьников возобновляет работу Приморская ДЭТС³. Не имея штата квалифицированных экскурсоводов и туристского снаряжения, размещаясь в одной комнате, сотрудники Приморской ДЭТС активно включились в методическую и организационную работу. К этой работе привлекались учителя школ и сотрудники Приморского краевого музея и Приморского филиала Академии наук⁴. К лету 1948 г. было разработано 13 «главных» маршрутов, например, по долине реки Лянчихе, в оленеводческий совхоз Майхе, на острова Путятина и Попова, в Макрушинскую пещеру, на место падения Сихотэ-Алинского метеорита⁵. Многие маршруты оставались популярными на протяжении последующих 50 лет, а некоторые востребованы и в настоящее время.

В экскурсионную и краеведческую работу вовлекались школьники даже самых отдалённых сёл Пожарского, Красноармейского, Тернейского и других районов Приморского края. Детский туризм стал приобретать ярко выраженную краеведческую направленность. Преимущественное развитие получили экскурсии по ближним пригородам Владивостока и многодневные походы старшеклассников.

Наибольший вклад в развитие экскурсионно-туристского движения в конце 1940-х – начале 1950-х гг. внесли историк-краевед Константин Пшеницын и видный деятель революционного движения, основоположник пешеходного туризма в Приморском крае Пётр Костромин. Вместе с детьми они участвовали в походах по таёжным территориям Тетюхинского,

¹ Дипломная работа студентки историко-правового факультета А.И. Бессаловой «Из истории развития школьного туризма и краеведения в Приморском крае за годы Всесоюзных экспедиций пионеров и школьников 1955–1960 гг.» (ГАПК. Ф. 1211. Оп. 1. Д. 3. Л. 23).

² 13 декабря 1947 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение «Об отмене карточной системы и денежной реформе».

³ Дипломная работа студентки историко-правового факультета А.И. Бессаловой «Из истории развития школьного туризма и краеведения в Приморском крае за годы Всесоюзных экспедиций пионеров и школьников 1955–1960 гг.» (ГАПК. Ф. 1211. Оп. 1. Д. 3. Л. 18).

⁴ Отчёты о работе Дома пионеров и школьников за 1946–1947 гг., 1947–1948 гг. (ГАПК, Ф. 1383. Оп. 1. Д. 5. Л. 5, 8).

⁵ Там же. Л. 5.

Тернейского, Пожарского, Калининского и других удалённых районов Приморского края, посещали места партизанских сражений, организовывали встречи с ветеранами Гражданской войны [14]. В 1947 г. под руководством П. Костромина 12 учащихся школы № 75 Владивостока совершили 30-дневный поход к Макрушенской пещере, а учащиеся школы № 7 в течение 20 дней занимались археологическими раскопками на месте древнего городища вблизи села Марьяновка¹. Школьники Партизанского района в течение недели обследовали окрестности реки Каменка, сопки «Сенькина шапка», побывали на вершине горного массива Чандалаз (ныне Хребет Лозовый) для знакомства с останцами, напоминающими вымерших животных палеозойской эры [1]. Учащиеся средней железнодорожной школы села Ружино прошли по таёжной местности к месту падения Сихотэ-Алинского метеорита вблизи поселка Бейцухе (ныне село Метеоритное)².

В конце 1940-х гг. приобрели популярность городские и производственные экскурсии с посещением Владивостока. В них принимали участие сотни школьников из городов и районов Приморского края. Из Владивостока организовывались поездки старшеклассников на угольные шахты Сучана³.

Несмотря на сложные условия первого послевоенного десятилетия, краеведческая и туристская деятельность в Приморском крае постепенно становится одним из приоритетов в воспитании подрастающего поколения. В период с 1920-х до начала 1950-х гг. число учащихся, ежегодно участвующих в экскурсиях и походах, возросло со 120 до 2 580 человек⁴.

В начале 1950-х гг. Приморскую ДЭТС возглавляет историк, краевед, журналист В.Л. Левицкий – племянник К. Суханова, активного участника и одного из руководителей революционного движения на Дальнем Востоке. По инициативе В.Л. Левицкого 12 ноября 1950 г. во Владивостоке был проведён Первый слёт юных туристов-краеведов.

Развитие народного хозяйства страны требовало открытия новых природных ресурсов, поэтому советские дети активно включились в поиски полезных ископаемых. Владивостокский Дом пионеров ежегодно отправлял отряды юных туристов в длительные путешествия экспедиционного характера. Участниками детских геологических походов в Приморском крае стали юные туристы четырёх владивостокских школ⁵. В удалённых и труднодоступных районах Уссурийской тайги они выполняли задания Дальневосточного филиала Академии наук СССР, Краевого геологического и Краевого метеорологического управлений⁶. Учащиеся средней школы № 4 Уссурийска на протяжении двух летних полевых сезонов работали в составе археологической экспедиции профессора А.П. Окладникова⁷.

К середине 1950-х гг. детский туризм в Приморском крае достигает довоенного уровня и приобретает массовый характер (*табл.*). В 1954 г. под Уссурийском на железнодорожной станции Баневурово проходит Первый краевой туристский слёт. В 1955 г. было проведено 26 многодневных походов продолжительностью свыше 30 дней⁸.

¹ Отчёты о работе Дома пионеров и школьников за 1946–1947 гг., 1947–1948 гг. (ГАПК, Ф. 1383. Оп. 1. Д. 5. Л. 7).

² Походы юных туристов // Красное знамя. 1947. 3 августа. С. 3.

³ Отчёты о работе Дома пионеров и школьников за 1946–1947 гг., 1947–1948 гг. (ГАПК, Ф. 1383. Оп. 1. Д. 5. Л. 5).

⁴ Дипломная работа студентки историко-правового факультета А.И. Бессаловой «Из истории развития школьного туризма и краеведения в Приморском крае за годы Всесоюзных экспедиций пионеров и школьников 1955–1960 гг.» (ГАПК, Ф. 1211. Оп. 1. Д. 3. Л. 22).

⁵ В поход за полезными ископаемыми // Красное знамя. 1959. 26 июня. С. 4.

⁶ Дипломная работа студентки историко-правового факультета А.И. Бессаловой «Из истории развития школьного туризма и краеведения в Приморском крае за годы Всесоюзных экспедиций пионеров и школьников 1955–1960 гг.» (ГАПК, Ф. 1211. Оп. 1. Д. 3. Л. 24).

⁷ Там же. Л. 80.

⁸ Там же. Л. 41.

Таблица

Число отрядов и учащихся, охваченных туристско-экскурсионной деятельностью в Приморской области (Приморском крае) в 1922–1959 гг.¹

Годы	Число отрядов	Число учащихся
1955	200	5 000
1956	358	10 000
1957	1 330	46 000
1958	3 800	50 200
1959	3 177	47 655

В 1955 г. тысячи школьников Приморского края приняли участие во Всесоюзной пионерской экспедиции. Её итоги были подведены на 4 Приморском краевом слёте юных туристов в октябре 1955 г.² В марте 1956 г. Центральная ДЭТС РСФСР совместно с редакцией газеты «Пионерская правда» объявила о проведении в 1956–1957 гг. Первой Всесоюзной экспедиции пионеров и школьников под девизом «Дороги зовут». По путёвкам Всесоюзной экспедиции в 5–35-дневных походах приняли участие 120 отрядов³ и 25 туристских лагерей Приморского края⁴. Члены лучшего экспедиционного отряда-победителя в числе 30 лучших экспедиционных отрядов страны были приглашены на конференцию участников экспедиций, состоявшуюся в Москве во время зимних каникул в январе 1957 г.

Летом 1956 г. краевед-спелеолог Е.Г. Лешок по заданию Союза писателей Дальнего Востока вместе с учениками, посещавшими краеведческий кружок Дома пионеров, в течение 55 дней повторил маршрут 20-летней давности, когда он вместе с группой студентов прошёл из Владивостока через хребет Сихотэ-Алинь к среднему течению р. Иман (ныне р. Большая Уссувка) и далее по Уссури на лодках до Хабаровска. Целью похода стал сбор материалов, подтверждающих победоносное социалистическое развитие Приморья за прошедшие 20 лет⁵.

Летом 1957 г. в пригороде Владивостока созывается Первый дальневосточный слёт юных туристов. В последующие годы краевые туристские слёты проходили в Супутинском заповеднике Уссурийского района (ныне Уссурийский заповедник) (1962 г.), в Спасске-Дальнем (1963 г.), в Партизанском районе (1964 г., 10-й юбилейный), на разъезде Барсовый Хасанского района (1965 г.), в пригородах Находки, Владивостока, Артёма, на берегу бухт Уссурийского залива Японского моря и в других живописных местах Приморского края [14].

Во второй половине 1950-х гг. в 18 школах Приморского края открылись летние школьные туристские лагеря⁶. В 1958 г. в живописной Барсовой пади Хасанского района начала ра-

¹ Дипломная работа студентки историко-правового факультета А.И. Бессаловой «Из истории развития школьного туризма и краеведения в Приморском крае за годы Всесоюзных экспедиций пионеров и школьников 1955–1960 гг.» (ГАПК. Ф. 1211. Оп. 1. Д. 3. Л. 22).

² Там же. Л. 22.

³ Годовые отчёты о работе Приморской краевой детской экскурсионно-туристической станции за 1955–1960 гг., 1962–1964 гг. (ГАПК. Ф. 1211. Оп. 1. Д. 2. Л. 2).

⁴ Дипломная работа студентки историко-правового факультета А.И. Бессаловой «Из истории развития школьного туризма и краеведения в Приморском крае за годы Всесоюзных экспедиций пионеров и школьников 1955–1960 гг.» (ГАПК. Ф. 1211. Оп. 1. Д. 3. Л. 33).

⁵ Годовые отчёты о работе Приморской краевой детской экскурсионно-туристической станции за 1955–1960 гг., 1962–1964 гг. (ГАПК. Ф. 1211. Оп. 1. Д. 2. Л. 2).

⁶ Дипломная работа студентки историко-правового факультета А.И. Бессаловой «Из истории развития школьного туризма и краеведения в Приморском крае за годы Всесоюзных экспедиций пионеров и школьников 1955–1960 гг.» (ГАПК. Ф. 1211. Оп. 1. Д. 3. Л. 38).

боту летняя детская турбаза «Лесной университет» на 100 мест [14]. На территории «Лесного университета» был создан краеведческий музей, обустроены спортивные и образовательные площадки (географическая и метеорологическая), отведены места для отдыха, разбиты цветники¹.

В середине 1950-х гг. развитие детского туризма в Приморском крае приобретает централизованно-формализованный характер. Собранные во время походов документальные свидетельства оставались в школьных музеях Боевой славы и в уголках природы, а текстовые отчёты отправлялись методистам Приморской ДЭТС. Годовые отчёты о работе Приморской ДЭТС за 1955–1964 гг. содержат подробные унифицированные описания проведённых туристских мероприятий с приложением рапортов, сводных таблиц, фотодневников и других материалов².

Советский период развития детского туризма в Приморском крае, как и в целом по стране, характеризовался выраженной идеологизацией, что было характерно для всех сфер общественной жизни. В планы детских туристских организаций обязательно включались мероприятия, связанные с идейно-политическим воспитанием детей, при этом спортивной, оздоровительной и познавательной составляющим детского туризма часто отводилась вспомогательная роль. Особую активность в планировании и реализации детских туристских мероприятий партийные и советские работники проявляли в юбилейные годы. В 1957 г. при подготовке празднования 40-летия Октябрьской революции в числе различных патриотических мероприятий была проведена многодневная туристская эстафета школьников, организованная Приморской краевой ДЭТС. Основной целью эстафеты стал сбор сведений о партизанской борьбе в 1918–1922 гг. Школьные коллективы Приморского края, принявшие участие в эстафете, собирали краеведческие материалы, отражающие историю становления Советской власти на Дальнем Востоке и строительства социализма. Формат эстафеты предполагал экскурсионные одно- и двухдневные поездки или пешие перемещения и организацию многодневных туристских походов. Так, 100 участников эстафеты на десяти байдарках преодолели 600 км по акватории Амурского залива, малым рекам, озеру Ханка, посетили восемь административных районов и два города Приморского края. Руководили эстафетой методисты Приморской ДЭТС В.С. Хмарук и В.В. Иванкина³.

Группа учащихся средней школы № 156 железнодорожной станции Ружино совершила 400-километровый водный поход на плотах от Лесозаводска до Хабаровска, собирая материал о становлении советской власти в Приморском крае⁴. Учащиеся средней школы № 13 Уссурийска нашли залежи халькоперита, учащиеся средней школы № 25 Владивостока – каменный уголь⁵. Члены отряда № 1575 средней школы № 25 Владивостока у сопки Лузановой поймали редкую беспанцирную черепаху Маака, которая водится в озере Ханка. Экспонат был передан в расположенный во Владивостоке рыбный музей Тихоокеанского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии (ТИНРО)⁶. В Кировской средней школе под

¹ Годовые отчёты о работе Приморской краевой детской экскурсионно-туристической станции за 1955–1960 гг., 1962–1964 гг. (ГАПК. Ф. 1211. Оп. 1. Д. 2. Л. 43).

² Там же. Л. 111.

³ Дипломная работа студентки историко-правового факультета А.И. Бессаловой «Из истории развития школьного туризма и краеведения в Приморском крае за годы Всесоюзных экспедиций пионеров и школьников 1955–1960 гг.» (ГАПК. Ф. 1211. Оп. 1. Д. 3. Л. 49).

⁴ Там же. Л. 47.

⁵ Годовые отчёты о работе Приморской краевой детской экскурсионно-туристической станции за 1955–1960 гг., 1962–1964 гг. (ГАПК. Ф. 1211. Оп. 1. Д. 2. Л. 1).

⁶ Дипломная работа студентки историко-правового факультета А.И. Бессаловой «Из истории развития школьного туризма и краеведения в Приморском крае за годы Всесоюзных экспедиций пионеров и школьников 1955–1960 гг.» (ГАПК. Ф. 1211. Оп. 1. Д. 3. Л. 50).

руководством Г.С. Вайнера работал колхозно-туристский лагерь. В его основу был положен принцип чередования работы в колхозе, пассивного отдыха и туристских походов¹.

В августе 1958 г. на острове Попова вблизи Владивостока состоялся первый детско-юношеский Дальневосточный слёт юных туристов. В нем приняли участие 250 делегатов из Приморского и Хабаровского краёв, Амурской и Сахалинской областей.

В июне 1959 г. была организована велоэстафета, в которой приняло участие 110 юных туристов-воспитанников 11 детских домов Приморского края. В Спасске-Дальнем при участии Спасской секции ветеранов гражданской войны был проведён звёздный поход-слёт домов пионеров. На слёт в составе пяти отрядов прибыло 80 школьников. Все участники получили значки «Турист СССР»².

В апреле 1966 г. был дан старт Всероссийскому туристскому походу пионеров и школьников «Из искры возгорелось пламя». Его кульминацией стало грандиозное мероприятие «Большой факел», приуроченное к 49-й годовщине Октябрьской революции (1966 г.). В полдень по местному времени 7 ноября 1966 г. при участии школьников Владивостока и Ленинграда на встречу друг другу начали движение два «Больших факела». Перемещаясь по городам и посёлкам Приморья, 25 декабря «Большой факел» прибыл в посёлок Бикин и далее в Хабаровск, где 5 января 1967 г. состоялся зональный слёт следопытов Октября с делегатами из Приморского и Хабаровского краёв и всех областей Дальнего Востока. В последующие месяцы «Большой факел» был пронесён до Братска Иркутской области, где летом 1967 г. прошёл X Всероссийский слёт юных туристов.

В 1979 г. Приморская ДЭТС переименовывается в Краевую станцию юных туристов, а в 1991 г. станция реорганизуется в государственное образовательное учреждение дополнительного образования детей – Приморский краевой центр детско-юношеского туризма и экскурсий (ПКЦДЮТиЭ). В его структуру входили две детские туристские базы, расположенные в историческом центре Владивостока и в 100 км от краевого центра в селе Лукьяновка Шкотовского района. В штате ПКЦДЮТиЭ числилось более 40 сотрудников, обеспечивавших работу более 60 кружков по всем направлениям туристско-краеведческой работы [14].

С 1988 г. краевые туристские соревнования школьников проводились на турбазе «Ливадийская» в селе Лукьяновка Шкотовского района, где дети имели возможность совершить восхождение на гору Пидан (ныне гора Ливадийская). Соревнования проходили по берегам горных ручьёв и малых рек, на тенистых лесных дорогах и горных тропах [14].

Несмотря на массовость, развитие детского туризма в Приморском крае в 1950–1980-е гг. сдерживалось недостаточным финансированием, что ограничивало участие детей в выездных мероприятиях, материально-техническая база детского туризма практически не развивалась. Приобщение школьников к туризму требовало затрат на транспорт, походное питание, специальную одежду и снаряжение, поэтому дети из малообеспеченных семей не могли принимать участие в многодневных походах. Тем не менее, феномен детского туризма в Приморском крае и в целом в СССР постепенно становился всё более ярким явлением общественной жизни, о чём свидетельствовали многочисленные публикации в периодических изданиях. Наибольшее число статей, репортажей, заметок, интервью о достижениях детского Приморского туризма в советский период публиковалось в таких местных газетах,

¹ Дипломная работа студентки историко-правового факультета А.И. Бессаловой «Из истории развития школьного туризма и краеведения в Приморском крае за годы Всесоюзных экспедиций пионеров и школьников 1955–1960 гг.» (ГАПК. Ф. 1211. Оп. 1. Д. 3. Л. 51).

² Рапорт Приморской ДЭТС о проведённых в 1959 г. мероприятиях по туризму и краеведению в Центральную детскую экскурсионно-туристскую станцию (ГАПК. Ф. 1211. Оп. 1. Д. 15. Л. 1–2).

как «Тихоокеанский комсомолец», «Красное знамя», «Вечерний Владивосток», «Ленинец», а также в центральной печати – журналах «Пионер», «Костёр», «Турист», газете «Пионерская правда» и др.

Заключение

Несмотря на сложный переходный период в условиях социально-экономической трансформации 1990-х гг., развитие детского туризма продолжалась. В 1990 г. после завершения Всесоюзной экспедиции «Моя Родина – СССР» в Приморском крае была объявлена туристско-краеведческая экспедиция учащихся «Родное Приморье». Главным содержанием деятельности поисковых отрядов стала исследовательская работа по истории, экономике, природе и культуре Приморского края, выполнение во время походов, экспедиций и экскурсий общественно-полезных заданий [14]. В дальнейшем эта работа получила развитие в рамках туристско-краеведческого движения учащихся «Отечество», старт которому был дан в сентябре 1993 г. на слёте туристов-краеведов России во Всероссийском детском центре «Океан» в пригороде Владивостока.

В сентябре 1994 г. в Приморье проходил российский экологический марш-поход «Темп», в 1995 г. – туристско-краеведческий фестиваль учащихся Сибири и Дальнего Востока «Отечество».

В 2000-е гг. ПКЦДЮТиЭ выпускал туристский альманах «Ветер странствий». На его страницах публиковались рассказы о Приморье, путевые записки и другие материалы о туристских буднях юных краеведов. В 2007 г. в результате реорганизации ПКЦДЮТиЭ был присоединён к Государственному образовательному автономному учреждению дополнительного образования детей «Детско-юношеский центр Приморского края».

Таким образом, детский туризм в Приморском крае развивался в соответствии с общероссийскими тенденциями. Особенностью организации детского туризма в Приморье было стремление педагогов к организации внеаудиторной учебной деятельности при отсутствии или ограниченности других форм досуговой деятельности. Другая особенность заключалась в преобладании краеведческих экскурсий, носивших не только познавательный, но и исследовательский характер.

В истории детского туризма в Приморском крае оставили заметный след краеведы, инструкторы, учителя общеобразовательных школ. На протяжении десятилетий они формировали методические и организационно-прикладные основы вовлечения детей в экскурсионно-туристскую деятельность, проводили краеведческие исследования, воспитывали у подрастающего поколения любовь к Родине, занимались физическим и интеллектуальным развитием учащихся.

Ретроспективный взгляд на историю детского туризма в Приморском крае позволяет выделить актуальные для современных условий формы организации туристско-экскурсионной деятельности, которые были незаслуженно забыты в процессе социально-экономических трансформаций. Это прежде всего формы краеведческой работы, которые выступают базой для формирования региональной идентичности. Кроме того, изучение и осмысление исторического опыта необходимо для разработки и внедрения стратегии взаимодействия образовательной и туристской сфер в условиях рыночной экономики в целях эффективного развития детского туризма.

Список литературы

1. Бондаренко С. Походы пионеров и школьников // Красный сучанец. 1948. 29 сентября. С. 2.
2. Вахтерев В.П. Избранные педагогические сочинения. М.: Педагогика, 1987. 400 с.
3. Долженко Г.П. История туризма в дореволюционной России и СССР. Ростов н/Дону: Издательство Ростовского университета, 1988. 192 с.
4. Кашуба С.А. Первые туристские маршруты Амурской области // Экологический и этнографический туризм: становление, проблемы и перспективы развития. Материалы Всероссийской научно-практической конференции 9 октября 2009 г. Хабаровск: Издательство ДВГУПС, 2009. С. 71–74.
5. Квартальнов В.А., Федорченко В.К. Туризм социальный: история и современность. Киев: Выща школа, 1989. 342 с.
6. Константинов Ю.С. Из истории детского туризма в России (1918–2008 гг.). М.: Издательство ФЦДЮТиК, 2008. 312 с.
7. Константинов Ю.С. История педагогики детско-юношеского туризма // Вестник Академии детско-юношеского туризма и краеведения. 2013. № 3. С. 22–31.
8. Семёнов Д.Д. Отечествоведение: Россия по рассказам путешественников и учёным исследованиям. В 5 т. СПб.: Издание М.О. Вольфа, 1867–1873.
9. Сухомлинский В.А. Избранные сочинения: В 5-ти т. Т. 1. Проблемы воспитания всесторонне развитой личности. Духовный мир школьника. Методика воспитания коллектива. Киев: Радянська школа, 1979. 686 с.
10. Усыскин Г.С. Очерки истории российского туризма. СПб.: Герда, 2007. 208 с.
11. Ушинский К.Д. Собрание сочинений. Т. 8. Человек как предмет воспитания (Опыт педагогической антропологии), т. 1. М.–Л.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1950. 776 с.
12. Шаповал Г.Ф. История туризма. Минск: Экоперспектива, 1999. 304 с.
13. Янчева Т.И. Азимут на воспитание личности // Учитель Приморья. 2010. № 2. С. 31–35.
14. Янчева Т.И. Мы верны своим традициям // Ветер странствий. 2000. № 6. С. 1.
15. Cullingford C. Children's Attitudes to Holiday Overseas // Tourism Management. 1995. Vol. 16. No. 2. Pp. 121–127. DOI: 10.1016/0261-5177(94)00022-3
16. Rhoden S., Hunter-Jones P., Miller A. Tourism Experiences through the Eyes of a Child // Annals of Leisure Research. 2016. Vol. 19. No. 4. Pp. 424–443. DOI: 10.1080/11745398.2015.1134337

References

1. Bondarenko S. Hiking Pioneers and Schoolchildren. *Krasnyy suchanets* [Red Suchan]. 1948. September, 29. P. 2. (In Russian)
2. Vakhterev V.P. *Selected Pedagogical Works*. Moscow, 1987. 400 p. (In Russian)
3. Dolzhenko G.P. *The History of Tourism in Pre-Revolutionary Russia and the USSR*. Rostov on Don, 1988. 192 p. (In Russian)
4. Kashuba S.A. The First Tourist Routes of the Amur Region. In: *Ecological and Ethnographic Tourism: The Formation, Problems and Development Prospects. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference*, October 9, 2009. Khabarovsk, 2009. Pp. 71–74. (In Russian)
5. Kvartalnov V.A., Fedorchenko V.K. *Social Tourism: History and Modernity*. Kiev, 1989. 342 p. (In Russian)
6. Konstantinov Yu.S. *From the History of Children Tourism in Russia (1918–2008)*. Moscow, 2008. 312 p. (In Russian)
7. Konstantinov Yu.S. The History of Pedagogy of Youth Tourism. *Vestnik Akademii detsko-yunosheskogo*

- turizma i kraevedeniya* [Bulletin of the Academy of Youth Tourism and Local History]. 2013. No. 3. Pp. 22–31. (In Russian)
8. Semenov D.D. *Fatherland: Russia According to the Stories of Travelers and Scholarly Research*. In 5 vols. S.-Petersburg, 1867–1973. (In Russian)
9. Sukhomlinsky V.A. *Selected Works: In 5 vols. Vol. 1. Problems of Education Comprehensively Developed Personality. The Spiritual World of the Student. Methods of Educating the Team*. Kiev, 1979. 686 p. (In Russian)
10. Usyskin G.S. *Essays on the History of Russian Tourism*. S.-Petersburg, 2007. 208 p. (In Russian)
11. Ushinskiy K.D. *Collected Works. Vol. 8. Man as a Subject of Education (Experience of Pedagogical Anthropology)*, vol. 1. Moscow – Leningrad, 1950. 776 p. (In Russian)
12. Shapoval G.F. *History of Tourism*. Minsk, 1999. 304 p. (In Russian)
13. Yancheva T.I. Azimuth on Education of the Person. *Uchitel' Primor'ya* [Primorye Teacher]. 2010. No. 2. Pp. 31–35. (In Russian)
14. Yancheva T.I. We are True to Our Traditions. *Veter stranstviy* [Wind of Wandering]. 2000. No. 6. P. 1. (In Russian)
15. Cullingford C. Children's Attitudes to Holiday Overseas. *Tourism Management*. 1995. Vol. 16. No. 2. Pp. 121–127. DOI: 10.1016/0261-5177(94)00022-3
16. Rhoden S., Hunter-Jones P., Miller A. Tourism Experiences through the Eyes of a Child. *Annals of Leisure Research*. 2016. Vol. 19. No. 4. Pp. 424–443. DOI: 10.1080/11745398.2015.1134337

Для цитирования:

Барашок И.В., Косолапов А.Б., Руденко Л.Л., Овчаренко Н.П. Детский туризм Приморского края (конец XIX–XX вв.): ретроспективный взгляд на региональные особенности развития // Регионалистика. 2019. Т. 6. № 2. С. 38–52. DOI: [10.14530/reg.2019.2.38](https://doi.org/10.14530/reg.2019.2.38)

For citing:

Barashok I.V., Kosolapov A.B., Rudenko L.L., Ovcharenko N.P. Children Tourism in Primorsky Krai (Late of 19th–20th Centuries): A Retrospective View of Regional Development Features. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2019. Vol. 6. No. 2. Pp. 38–52. DOI: [10.14530/reg.2019.2.38](https://doi.org/10.14530/reg.2019.2.38) (In Russian)

МАЗИТОВА**Марина
Гамиловна**

Младший научный сотрудник
Институт экономических
исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

MAZITOVA**Marina
Gamilovna**

Junior researcher
Economic Research
Institute FEB RAS, 153,
Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

mazitova@ecrin.ru

УДК 339.94 + 339.92

**ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНАЯ ТОРГОВЛЯ
В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: ТОРГОВАЯ
ИНТЕГРАЦИЯ И МЕЖДУНАРОДНАЯ
ФРАГМЕНТАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА**

В статье анализируется уровень торговой взаимозависимости стран Восточной Азии с помощью индексов внутрирегиональной торговли и интенсивности торговли между странами региона. Распределение торговых потоков в рассматриваемом субглобальном регионе объясняется вовлечённостью экономик в глобальные и региональные международные производственные сети и структурой международного разделения труда в Восточной Азии.

Восточная Азия, АСЕАН, АСЕАН+3, внутрирегиональная торговля, торговая интеграция

**INTRAREGIONAL TRADE IN EAST ASIA:
TRADE INTEGRATION AND INTERNATIONAL
PRODUCTION FRAGMENTATION**

The article examines the level of trade interdependence of East Asia using Intraregional Trade indices and the Trade Intensity Index. The distribution of trade flows in the sub-global region is due to the involvement of economies in global and regional international production networks and the structure of the international division of labor in East Asia.

East Asia, ASEAN, ASEAN+3, intraregional trade, trade integration

Введение

Регионализм – одна из тенденций современной мировой экономики. Региональная экономическая интеграция рассматривается как доминирующий фактор развития мировой торговли, движения инвестиций и потоков рабочей силы. Важным компонентом регионализации является торговая интеграция.

При анализе торговой интеграции различают два её вида: *de jure* и *de facto*. Торговая интеграция *de jure* относится к сознательной политике государств по координации торговой деятельности в определённом регионе [15]. Таким образом, в центре такой торговой интеграции находится деятельность правительств, в частности, политика, связанная с региональными соглашениями, например, такими, как соглашения о свободной торговле (ССТ).

Торговая интеграция *de facto* выражается в росте торговых взаимодействий в регионе [10]. Фактическая торговая интеграция в итоге сосредоточена на торговой деятельности частных компаний. В настоящее время интенсификация торговых потоков в регионах связана с функционированием международных производственных сетей, которые формируются в результате усложнения процессов международного разделения труда и выхода процессов фрагментации производства за пределы национальных экономик [4]. Таким образом, интенсивность международных торговых потоков в регионе связана со своего рода перемещением промежуточной продукции между производственными блоками, расположенными на территориях разных стран. Принципы формирования и функционирования международных производственных сетей зависят от отрасли производства и зачастую никак не связаны с торговой интеграцией *de jure*.

Регион Восточной Азии¹ стабильно демонстрирует высокие темпы роста ВВП, торговых и инвестиционных потоков, но действительно ли внутрирегиональная торговля в Восточной Азии интегрируется и с чем связана интенсивность торговых потоков внутри региона?

С точки зрения торговой интеграции *de jure*, восточноазиатские страны активно включены в процесс. АСЕАН является объединением стран с наиболее глубокой степенью интеграции среди региональных блоков. Либерализация торговли происходит не только в рамках АСЕАН, но и с партнёрами из третьих стран. Несмотря на то, что многостороннее экономическое сотрудничество в рамках стран СВА-3² развивается не очень быстро вследствие различных противоречий между участниками, интеграционные процессы в регионе активно развиваются в других форматах. Также начался диалог по обсуждению возможных интеграционных механизмов между КНР, Японией, Республикой Корея и странами АСЕАН в формате АСЕАН+3 [1].

Часто на основании факта увеличения количества ССТ делается вывод, что Восточная Азия углубляет свой уровень торговой интеграции. Однако движущие силы этого явления не были полностью проанализированы в экономической литературе. Основной вопрос, который недостаточно изучен, – связь между торговой интеграцией *de facto* и *de jure* [14], а именно: рост торговых взаимодействий в регионе вызван политикой стран в отношении ССТ или же, напротив, увеличение ССТ можно объяснить общим развитием торговой взаимозависимости в регионе?

В данной работе с помощью различных торговых индикаторов проводится исследование уровня и структуры торговой взаимозависимости стран Восточной Азии, которое является важным этапом в исследованиях взаимосвязи между фактической торговой интеграцией и интеграцией *de jure*.

¹ Под Восточной Азией в данной статье подразумеваются 10 стран АСЕАН, КНР, Япония и Республика Корея.

² Под СВА-3 (СВА – Северо-Восточная Азия) в данной статье подразумеваются КНР, Япония и Республика Корея.

Торговая взаимозависимость стран Восточной Азии

Анализ фактической торговой интеграции зависит в первую очередь от того, какой индикатор используется для измерения уровня взаимозависимости торговли. Также важен набор рассматриваемых стран, так как значимость показателей для фактической торговой интеграции варьируется в зависимости от состава рассматриваемой группы.

Поскольку наибольший вклад в мировую торговлю в настоящее время вносят три региона – страны Европейского союза (ЕС)¹, Северной Америки² и Восточной Азии, для сравнения будем рассматривать все объединения, причём оценим в Восточной Азии два блока: АСЕАН – блок с наиболее глубокой степенью интеграции в регионе и АСЕАН+3³ – блок, включающий три крупнейшие экономики региона.

Для оценки уровня взаимозависимости торговли применяется показатель доли внутрирегиональной торговли (*Intra-Regional Trade Share*) – процентное отношение внутрирегиональной торговли к общей торговле региона⁴, рассчитанное с использованием экспортных данных⁵.

Несмотря на некоторое увеличение показателя, доля внутрирегиональной торговли АСЕАН оставалась чрезвычайно малой в 1990–2016 гг. В то же время показатель для АСЕАН+3 свидетельствует о достаточно высокой степени торговой взаимозависимости стран Восточной Азии. Значения доли внутрирегиональной торговли АСЕАН+3 на всём рассматриваемом временном промежутке значительно выше показателей АСЕАН и Северной Америки и уступают только Европейскому Союзу (*рис. 1*).

Рис. 1. Доля внутрирегиональной торговли, %

Источник: составлено автором на основании данных The Asia Regional Integration Center (<https://aric.adb.org/integrationindicators>).

¹ В данном случае имеется в виду взаимная торговля 28 стран, в настоящее время входящих в Европейский союз (ЕС-28).

² Под Северной Америкой обычно подразумевается объединение стран-участниц НАФТА (США, Канада, Мексика), но в данной работе для анализа используются показатели, рассчитанные The Asia Regional Integration Center для блока, состоящего только из двух стран – США и Канады.

³ Термины «Восточная Азия» и «АСЕАН+3» используются в данной статье как синонимы.

⁴ В данной статье под внутрирегиональной торговлей понимается торговля между странами-участницами интеграционных объединений (регионов).

⁵ В данной работе были использованы значения индекса, рассчитанные The Asia Regional Integration Center (<https://aric.adb.org/integrationindicators>).

Такие значения могут свидетельствовать о низком уровне торговой интеграции АСЕАН, но особенность данного показателя в том, что его значение может увеличиться с включением в группу большого количества стран, а также при включении крупной торговой страны даже без изменений в направленности торговли изначальных участников объединения [6].

Индекс интенсивности внутрирегиональной торговли (Intra-Regional Trade Intensity Index)¹ является более точным индикатором для оценки регионального смещения в торговле, поскольку он учитывает вес торговли стран-участниц объединения: чем выше показатель, тем выше региональный уклон. Если значение индекса больше 1, регион имеет тенденцию к торговле с самим собой; если оно меньше 1 – к торговле с аутсайдерами; если значение индекса равно 1, это означает, что страны-участницы объединения торгуют между собой и с остальным миром с одинаковой интенсивностью.

Внутрирегиональный показатель интенсивности АСЕАН в рассматриваемый период был значительно выше показателей Европейского союза, Северной Америки и АСЕАН+3. Это свидетельствует о том, что страны АСЕАН больше торгуют между собой, несмотря на то, что страны-участницы в большинстве своём являются относительно небольшими торговыми государствами (рис. 2).

Рис. 2. Индекс интенсивности внутрирегиональной торговли

Источник: составлено автором на основании данных The Asia Regional Integration Center (<https://aric.adb.org/integrationindicators>).

Таким образом, показатели доли внутрирегиональной торговли и индекса интенсивности внутрирегиональной торговли подтверждают высокую степень торговой взаимозависимости стран региона, сопоставимую с показателями крупнейших мировых объединений, но не дают ясной картины интенсивности торговли между АСЕАН и странами СВА-3.

¹ В данной работе были использованы значения индекса, рассчитанные The Asia Regional Integration Center на основе общей торговой статистики, а не только экспортных потоков (<https://aric.adb.org/integrationindicators/technotes>).

Для определения уровня торговли между отдельными странами и регионами используется индекс интенсивности торговли (*Trade Intensity Index, TII*)¹, который рассчитывается по формуле:

$$TII = \frac{X_{ij,t} / X_{i,t}}{X_{wj,t} / X_{w,t}}, \quad (1)$$

где $X_{ij,t}$ – экспорт страны i в страну j в год t ; $X_{i,t}$ – совокупный экспорт страны i в год t ; $X_{wj,t}$ – мировой экспорт в страну j в год t ; $X_{w,t}$ – мировой экспорт в год t .

Для определения структуры экспорта и импорта выделяют индекс интенсивности экспорта (*Export Intensity Index, EII*) и индекс интенсивности импорта (*Import Intensity Index, III*). Индексы рассчитываются по формулам (2) и (3)².

$$EII = \frac{X_{ij,t} / X_{i,t}}{M_{j,t} / (M_{w,t} - M_{i,t})}, \quad (2)$$

где $X_{ij,t}$ – экспорт страны/региона i в страну/регион j в год t ; $X_{i,t}$ – совокупный экспорт страны/региона i в год t ; $M_{j,t}$ – совокупный импорт страны/региона j в год t ; $M_{w,t}$ – мировой импорт в год t ; $M_{i,t}$ – совокупный импорт страны/региона i в год t .

$$III = \frac{M_{ij,t} / M_{i,t}}{X_{j,t} / (X_{w,t} - X_{i,t})}, \quad (3)$$

где $M_{ij,t}$ – импорт страны/региона i из страны/региона j в год t ; $M_{i,t}$ – совокупный импорт страны/региона i в год t ; $X_{j,t}$ – совокупный экспорт страны/региона j в год t ; $X_{w,t}$ – мировой экспорт в год t ; $X_{i,t}$ – совокупный экспорт страны/региона i в год t .

Если значение индекса равно 1, страна/регион i торгует со страной/регионом j с той же интенсивностью, что и с остальным миром. Если значение показателя превышает 1, наблюдается предпочтение в торговле со страной/регионом j , то есть степень торговой интеграции велика. Если величина показателя меньше 1, интенсивность внешней торговли страны/региона i с остальными странами выше, чем со страной/регионом j , то есть степень торговой интеграции низка.

Интенсивность экспортных потоков стран СВА-3 и АСЕАН изменялась в рассматриваемый период. Значения индекса интенсивности экспорта для Японии и Республики Корея были высокими, но наблюдалось постепенное снижение интенсивности экспортных потоков Японии в АСЕАН и многократные колебания индекса для Республики Корея. У КНР, наоборот, значение индекса до 2005 г. было ниже 1, а затем наблюдалось увеличение интенсивности экспортных потоков в АСЕАН (рис. 3).

Что касается потоков импорта, то для КНР, Японии и Республики Корея показатели сохранялись достаточно высокими на протяжении всего периода, однако в последнее десятилетие наблюдается постепенное снижение интенсивности (рис. 4).

¹ Такое направление анализа международной торговли было предложено А. Брауном [9].

² В данном случае используется усовершенствованная К. Кодзимой [12] формула индекса интенсивности торговли.

Рис. 3. Индекс интенсивности экспорта

Источник: рассчитано автором по данным <http://www.rieti-tid.com/>

Рис. 4. Индекс интенсивности импорта

Источник: рассчитано автором по данным <http://www.rieti-tid.com/>

Анализ индексов внутрирегиональной торговли и интенсивности торговли между странами СВА-3 и АСЕАН показывает, что, несмотря на высокую интенсивность торговых потоков между странами АСЕАН, основными партнёрами для стран объединения являются страны СВА-3. Такое распределение торговых потоков объясняется вовлечённостью экономик Восточной Азии в глобальные и региональные международные производственные сети, в которые экономики АСЕАН включены по большей степени на самых начальных стадиях производственного процесса в качестве поставщиков сырьевых товаров либо производителей конечной продукции или частей и компонентов с низкой добавленной стоимостью. Страны СВА-3 на протяжении длительного времени занимают лидирующие позиции во внутрирегиональной торговле Восточной Азии, но роль внутрирегиональной торговли для самих стран субрегиона постепенно менялась. Это связано с изменением структуры международного разделения труда между странами СВА-3. Япония, обладавшая большими резервами капитала и высоким техническим уровнем, специализировалась на производстве высокотехнологической продукции. Республика Корея и КНР, в свою очередь, специализировались на сборке конечной продукции из частей и компонентов, импортированных из Японии, и промышленном производстве не

столь высокого уровня. Большая часть конечной продукции, созданной таким образом, экспортировалась в Японию. Но КНР и Республика Корея постепенно стали переходить на более сложные стадии в производственном процессе, перенося сборочные процессы в менее развитые экономики Восточной Азии [2; 5].

Сравнительное преимущество в торговле

Для анализа интенсивности международных торговых потоков в разных отраслях производства используется индекс выявленного сравнительного преимущества (*Revealed Comparative Advantage, RCA*) [7; 8], который позволяет определить отрасли, в которых страна имеет сравнительные преимущества, что, в свою очередь, позволяет оценить экспортные возможности рассматриваемой отрасли. Этот индекс базируется на сравнении торговых показателей определённой отрасли со среднемировым значением. Если страна имеет высокий индекс RCA, то продукция такой отрасли является конкурентоспособной и может быть экспортирована в страны с низким значением RCA по данной отрасли. У стран с аналогичными значениями индекса RCA, скорее всего, не будет высокой интенсивности двусторонней торговли.

Традиционно индекс RCA вычисляется с использованием экспортной статистики и в результате показывает, имеет ли страна сравнительные преимущества в производстве некоторого товара. Индекс выявленного сравнительного преимущества страны i в производстве товара j определяется следующим образом:

$$RCA_{ij}^p = \frac{x_{ij}/X_i}{x_{wj}/X_w}, \quad (4)$$

где x_{ij} – объём экспорта продукта j страны i ; X_i – объём всего экспорта страны i ; x_{wj} – объём мирового экспорта продукта j ; X_w – объём мирового экспорта.

Значение индекса имеет следующую интерпретацию: если значение индекса больше 1, то страна i имеет сравнительное преимущество в производстве товара j . Несмотря на то, что значение индекса больше 1 уже говорит о сравнительном преимуществе страны в производстве товара некоторой отрасли, более предпочтительным для такого вывода является значение, большее 2 [3; 11; 13].

В данной работе индекс RCA был рассчитан для восьми стран АСЕАН (за исключением Лаоса и Мьянмы), КНР, Японии, Республики Корея по 13 основным товарным группам¹ за 1990–2016 гг. (*табл.*).

Индекс выявленного сравнительного преимущества позволяет охарактеризовать существующую структуру региональной торговли, интенсивность международных торговых потоков в разных отраслях. Так как приведённые значения RCA для стран Восточной Азии – это средние значения индекса за довольно продолжительный период и по сильно агрегированным отраслям, они дают лишь общую картину международного разделения труда в регионе, но подтверждают выводы, сделанные на основе анализа индексов внутрирегиональной торговли и интенсивности торговли между странами СВА-3 и АСЕАН.

Некоторые страны АСЕАН выступают как поставщики ресурсов. Например, Таиланд и Вьетнам имеют большое значение индекса RCA по товарной группе «пищевые продукты», Бруней и Индонезия – по группе «нефть и уголь», Камбоджа, Индонезия, Малайзия и Вьетнам – по группе «целлюлоза, бумага и древесина».

¹ https://www.rieti.go.jp/en/projects/rieti-tid/pdf/about_en.pdf

Таблица

RCA стран Восточной Азии в производстве продукции
(среднее значение за период), 1990–2016 гг.

Отрасль	АСЕАН								СВА-3		
	Бруней	Камбоджа	Индонезия	Малайзия	Филиппины	Сингапур	Таиланд	Вьетнам	КНР	Япония	Республика Корея
Пищевые продукты	0,01	0,48	0,98	0,35	1,04	0,25	2,09	2,80	0,50	0,07	0,21
Текстиль	0,56	12,30	1,82	0,48	1,24	0,17	1,18	3,13	2,92	0,30	1,37
Целлюлоза, бумага и древесина	0,01	3,96	3,48	2,08	0,76	0,26	1,49	2,68	1,28	0,33	0,67
Химические товары	0,04	0,04	0,38	0,40	0,18	1,09	0,59	0,16	0,52	0,84	0,83
Нефть и уголь	8,29	0,01	2,54	1,06	0,14	1,47	0,20	1,74	0,20	0,07	0,42
Изделия из камня, глины, стекла и бетона	0,15	0,24	0,52	0,35	0,33	0,23	1,41	0,70	0,94	0,56	0,37
Железо и сталь, цветные металлы	0,03	0,23	0,89	0,34	0,67	0,37	0,39	0,26	0,66	0,87	0,98
Общее машиностроение	0,02	0,02	0,26	1,09	1,14	1,72	1,34	0,19	1,00	1,64	0,92
Электрические машины	0,01	0,05	0,41	2,68	3,69	2,27	1,24	0,79	1,33	1,80	2,23
Бытовые электроприборы	0,01	0,02	1,15	2,57	0,65	1,13	1,91	0,38	2,89	1,41	1,56
Транспортное оборудование	0,03	0,11	0,15	0,08	0,13	0,22	0,56	0,08	0,18	2,04	1,05
Прецизионная техника	0,03	0,06	0,32	0,60	1,05	0,92	0,77	0,21	0,93	2,17	1,69
Игрушки и прочие товары	1,03	0,17	0,94	0,65	0,90	0,54	1,39	1,73	3,24	0,59	0,51

Источник: рассчитано автором по данным <http://www.rieti-tid.com/>

Что касается международных производственных сетей, с функционированием которых связано увеличение интенсивности международных торговых потоков, в наибольшей степени в них включены такие сектора промышленности региона, как производство электрического и электронного оборудования, текстиля, одежды и изделий из кожи [4]. Как видно из значений индекса RCA, менее развитые страны АСЕАН – Камбоджа и Вьетнам – включены в международные производственные сети по производству текстиля, Малайзия, Филиппины и Сингапур – в сети по производству электрического и электронного оборудования. Япония специализируется на производстве высокотехнологической продукции. На первый взгляд, КНР и Республи-

ка Корея занимают схожее со странами АСЕАН положение в региональной торговле, но, как уже говорилось выше, такие усреднённые показатели позволяют получить лишь общую картину участия страны в международном производстве, но не отражают то, на производстве какой продукции отрасли, с высокой или низкой добавленной стоимостью, специализируется страна, и не могут показать возможного перехода страны с течением времени на более технологичную стадию в международном производстве. Для детального анализа структуры внутрирегиональной торговли рассчитываются значения индекса для коротких периодов с использованием данных более подробной торговой классификации.

Заключение

Зачастую усиление интенсивности внутрирегиональной торговли в регионе Восточной Азии связывают с торговой интеграцией *de jure* – с деятельностью правительств по координации торговой деятельности в регионе, а именно с увеличением количества региональных соглашений, например, таких, как соглашения о свободной торговле.

Анализ индексов внутрирегиональной торговли и интенсивности торговли между странами СВА-3 и АСЕАН показывает, что, несмотря на высокую интенсивность торговых потоков внутри АСЕАН, блока с наиболее глубокой степенью интеграции *de jure* в регионе, основными партнёрами для стран объединения являются страны СВА-3. Такое распределение торговых потоков объясняется вовлечённостью экономик Восточной Азии в глобальные и региональные международные производственные сети, принципы формирования и функционирования которых зависят от отрасли производства и зачастую никак не связаны с торговой интеграцией *de jure*. Страны СВА-3 на протяжении длительного периода занимают лидирующие позиции во внутрирегиональной торговле Восточной Азии, но значение внутрирегиональной торговли для самих стран субрегиона постепенно менялось. Это связано с изменением структуры международного разделения труда между странами СВА-3.

Анализ индексов выявленного сравнительного преимущества для стран региона по разным отраслям производства показывает, что экономики АСЕАН включены в международные производственные сети по большей степени на самых начальных стадиях производственного процесса в качестве поставщиков сырьевых товаров либо производителей конечной продукции или частей и компонентов с низкой добавленной стоимостью.

Таким образом, интенсификация торговых потоков в регионе Восточной Азии в первую очередь связана с функционированием международных производственных сетей и процессами международной фрагментации производства. Структура торговых потоков в регионе неоднородна, что объясняется тем, в какие международные производственные сети и на какой стадии включена та или иная страна региона.

Список литературы

1. Дёмина Я.В., Мазитова М.Г. Развитие Дальнего Востока России в условиях интенсификации интеграционных процессов в АТР // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 4. С. 41–54. DOI: 10.14530/reg.2018.4.41
2. Мазитова М.Г. Внутрирегиональная торговля в Северо-Восточной Азии: тенденции и перспективы развития // Власть и управление на Востоке России. 2016. № 3. С. 76–81.
3. Мазитова М.Г. Международная фрагментация производства: подходы для оценки // Пространственная экономика. 2018. № 2. С. 154–169. DOI: 10.14530/se.2018.2.154-169
4. Мазитова М.Г., Дёмина Я.В. Международные производственные сети: роль стран Восточной Азии // Пространственная экономика. 2017. № 1. С. 71–98. DOI: 10.14530/se.2017.1.071-098

5. Прогунова Л.В. Внешнеторговые аспекты экономического развития Северо-Восточной Азии // Российский внешнеэкономический вестник. 2017. № 11. С. 62–75.
6. Anderson K., Norheim H. From Imperial to Regional Trade Preferences: Its Effect on Europe's Intra- and Extra-Regional Trade // *Weltwirtschaftliches Archive*. 1993. Vol. 129. No. 1. Pp. 78–102.
7. Balassa B. «Revealed» Comparative Advantage Revisited: An Analysis of Relative Export Shares of the Industrial Countries, 1953–1971 // *The Manchester School of Economic & Social Studies*. 1977. Vol. 45. No. 4. Pp. 327–344.
8. Balassa B. Trade Liberalisation and Revealed Comparative Advantage // *The Manchester School of Economic and Social Studies*. 1965. Vol. 33. No. 2. Pp. 99–123.
9. Brown A.J. *Applied Economics: Aspects of the World Economy in War and Peace*. New York: Rinehart & Company, Inc., 1948. 252 p.
10. Hurrell A. Regionalism in Theoretical Perspective // *Regionalism in World Politics: Regional Organization and International Order*. Ed. by L.L. Fawcett, A. Hurrell. Oxford: Oxford University Press, 1995. Pp. 37–73.
11. Kaminski B., Ng F. Trade and Production Fragmentation: Central European Economies in European Union Networks of Production and Marketing. Policy Research Working Papers 2611. Washington, DC: World Bank Publications, 2001.
12. Kojima K. The Pattern of International Trade among Advanced Countries // *Hitotsubashi Journal of Economics*. 1964. Vol. 5. No. 1. Pp. 16–36.
13. Ng F., Yeats A. Production Sharing in East Asia: Who Does What for Whom, and Why? Policy Research Working Paper 2197. Washington, DC: World Bank Publications, 1999.
14. Sarath Chandran B.P. Trade Complementarity and Similarity between India and ASEAN Countries in the Context of the RTA. URL: <https://ssrn.com/abstract=1763299> (дата обращения: 07.03.2019).
15. Wyatt-Walter A. Regionalism, Globalization, and World Economic Order // *Regionalism in World Politics: Regional Organization and International Order*. Ed. by L.L. Fawcett, A. Hurrell. Oxford: Oxford University Press, 1995. Pp. 74–121.

References

1. Dyomina Ya.V., Mazitova M.G. Russian Far East Development: Challenges under Deepening Integration in Asia Pacific. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2018. Vol. 5. No. 4. Pp. 41–54. DOI: 10.14530/reg.2018.4.41 (In Russian)
2. Mazitova M.G. Intraregional Trade in Northeast Asia: Trends and Prospects. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Government in Eastern Russia]. 2016. No. 3. Pp. 76–81. (In Russian)
3. Mazitova M.G. International Production Fragmentation: Approaches to Measuring. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*. 2018. No. 2. Pp. 154–169. DOI: 10.14530/se.2018.2.154-169 (In Russian)
4. Mazitova M.G., Dyomina Ya.V. International Production Networks: The Role of East Asia. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*. 2017. No. 1. Pp. 71–98. DOI: 10.14530/se.2017.1.071-098 (In Russian)
5. Progunova L.V. Foreign Trade Aspects of Economic Development of Northeast Asia. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskii vestnik* [Russian Foreign Economic Journal]. 2017. No. 11. Pp. 62–75. (In Russian)
6. Anderson K., Norheim H. From Imperial to Regional Trade Preferences: Its Effect on Europe's Intra- and Extra-Regional Trade. *Weltwirtschaftliches Archive*. 1993. Vol. 129. No. 1. Pp. 78–102.
7. Balassa B. «Revealed» Comparative Advantage Revisited: An Analysis of Relative Export Shares of the Industrial Countries, 1953–1971. *The Manchester School of Economic & Social Studies*. 1977. Vol. 45. No. 4. Pp. 327–344.

8. Balassa B. Trade Liberalisation and Revealed Comparative Advantage. *The Manchester School of Economic and Social Studies*. 1965. Vol. 33. No. 2. Pp. 99–123.
9. Brown A.J. *Applied Economics: Aspects of the World Economy in War and Peace*. New York: Rinehart & Company, Inc., 1948. 252 p.
10. Hurrell A. Regionalism in Theoretical Perspective. In: *Regionalism in World Politics: Regional Organization and International Order*. Ed. by L.L. Fawcett, A. Hurrell. Oxford: Oxford University Press, 1995. Pp. 37–73.
11. Kaminski B., Ng F. *Trade and Production Fragmentation: Central European Economies in European Union Networks of Production and Marketing. Policy Research Working Papers 2611*. Washington, DC: World Bank Publications, 2001.
12. Kojima K. The Pattern of International Trade among Advanced Countries. *Hitotsubashi Journal of Economics*. 1964. Vol. 5. No. 1. Pp. 16–36.
13. Ng F., Yeats A. *Production Sharing in East Asia: Who Does What for Whom, and Why? Policy Research Working Paper 2197*. Washington, DC: World Bank Publications, 1999.
14. Sarath Chandran B.P. *Trade Complementarity and Similarity between India and ASEAN Countries in the Context of the RTA*. Available at: <https://ssrn.com/abstract=1763299> (accessed 7 March 2019).
15. Wyatt-Walter A. Regionalism, Globalization, and World Economic Order. In: *Regionalism in World Politics: Regional Organization and International Order*. Ed. by L.L. Fawcett, A. Hurrell. Oxford: Oxford University Press, 1995. Pp. 74–121.

■ ■ ■
Для цитирования:

Мазитова М.Г. Внутрирегиональная торговля в Восточной Азии: торговая интеграция и международная фрагментация производства // Регионалистика. 2019. Т. 6. № 2. С. 53–63. DOI: [10.14530/reg.2019.2.53](https://doi.org/10.14530/reg.2019.2.53)

■ ■ ■
For citing:

Mazitova M.G. Intraregional Trade in East Asia: Trade Integration and International Production Fragmentation. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2019. Vol. 6. No. 2. Pp. 53–63. DOI: [10.14530/reg.2019.2.53](https://doi.org/10.14530/reg.2019.2.53) (In Russian)

ЛИЛИМБЕРГ**Светлана
Ивановна**

Кандидат экономических
наук, доцент
Челябинский
государственный
университет,
Костанайский филиал
ул. Бородина, 168А,
Костанай, Республика
Казахстан, 110000

LILIMBERG**Svetlana
Ivanovna**

PhD in economics,
associate professor
Chelyabinsk State University,
Kostanai Branch
168A, Borodin Street,
Kostanay, Republic of
Kazakhstan, 110000

via-lil@yandex.ru

© Лилимберг С.И.,
Селезнёва Т.О., 2019

УДК 332.1

АНАЛИЗ ТЕНДЕНЦИЙ И ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА В КОСТАНАЙСКОЙ ОБЛАСТИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Современный этап развития предпринимательской деятельности в Республике Казахстан характеризуется нестабильностью и недостаточно высокой конкурентоспособностью бизнеса. В настоящем исследовании выявляются основные тенденции и трудности в развитии современного малого и среднего предпринимательства в Костанайской области Республики Казахстан с 2005 по 2017 гг. Делается вывод о возможностях решения выявленных проблем при обеспечении своевременной государственной помощи и поддержки.

Малый и средний бизнес, зарегистрированный субъект предпринимательства, активный субъект предпринимательства, индивидуальный предприниматель, крестьянское (фермерское) хозяйство

ANALYSIS OF TRENDS AND PATTERNS OF DEVELOPMENT OF SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES IN THE KOSTANAY REGION OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

The modern stage of business development in the Republic of Kazakhstan is characterized by instability and insufficiently high business competitiveness. This study identifies the main trends and difficulties in the development of modern small and medium-sized businesses in the Kostanay region of the Republic of Kazakhstan from 2005 to 2017. The conclusion is made about the possibilities of solving the identified problems while providing timely state aid and support.

Small and medium business, registered business entity, active business entity, individual entrepreneur, peasant (farm) economy

СЕЛЕЗНЁВА**Татьяна
Олеговна**

Старший преподаватель
Челябинский
государственный
университет,
Костанайский филиал
ул. Бородина, 168А,
Костанай, Республика
Казахстан, 110000

SELEZNYOVA**Tatyana
Olegovna**

Senior lecturer
Chelyabinsk State University,
Kostanai Branch
168A, Borodin Street,
Kostanay, Republic of
Kazakhstan, 110000

stogold2013@yandex.kz

Отличительная особенность малого и среднего бизнеса – гибкость, способность оперативно реагировать на изменение рыночной конъюнктуры. Этим определяется первоочередная роль предпринимательских структур в обеспечении стабильного экономического роста государства¹.

В Республике Казахстан малый и средний бизнес развивается, по историческим меркам, сравнительно недавно. Послереволюционный период истории Казахстана характеризовался целенаправленной антирыночной политикой, под влиянием которой развитие института частнособственнического производства было невозможным в принципе. Однако это способствовало формированию теневой, криминальной системы, основанной на самостоятельных, неофициальных производственных связях тех или иных экономических субъектов. Теневой бизнес, преимущественное использование административно-командных методов управления национальной экономикой, повсеместно действующая так называемая система «приписок» обусловили появление в экономике «виртуального», как выразились бы сегодня, валового общественного продукта. Общий оборот теневой экономики в начале 1990 г., по оценкам разных специалистов, составлял порядка 100 млрд рублей [3].

В 1980-х гг. в СССР возникают и начинают работать первые элементы законодательного регулирования тогда ещё теневых бизнеса: в 1986 г. был принят Закон СССР «Об индивидуальной трудовой деятельности», а в 1988 г. – «О кооперации в СССР». Однако принятие этих законов ещё не означало полной легализации частного предпринимательства, которое получило окончательное признание лишь в 1991 г., с началом функционирования Казахстана как отдельного, самостоятельного государства.

В 2015 г. в дополнение к уже действующему казахстанскому законодательству, регулирующему предпринимательскую деятельность, был принят Предпринимательский кодекс Республики Казахстан, определяющий правовые, экономические и социальные условия и гарантии, обеспечивающие свободу предпринимательства в государстве.

За последние три десятка лет частное предпринимательство в Казахстане достигло немалого и стало вносить значительный вклад как в национальную, так и региональные экономики. Тем не менее, малый и средний бизнес испытывает множество трудностей, которые препятствуют его успешному развитию [2].

¹ Хотя анализу специфики предпринимательской деятельности и значимости предпринимательской функции для экономики посвящено большое число работ, в том числе написанных известнейшими учёными (см., например, [7; 13]), многие вопросы в этой проблемной области всё ещё считаются дискуссионными [12].

В связи с этим целью данного исследования является выявление основных тенденций и трудностей в развитии современного малого и среднего предпринимательства в Костанайской области Республики Казахстан.

Костанайская область – одна из 14 областей Республики Казахстан (РК), которая имеет общие границы с четырьмя областями Республики Казахстан (Актюбинской, Карагандинской, Акмолинской и Северо-Казахстанской) и тремя областями Российской Федерации (Оренбургской, Челябинской и Курганской).

Анализируя официальные данные статистических органов по субъектам малого и среднего предпринимательства, можно сделать вывод о снижении доли выпуска продукции субъектами МСБ Костанайской области в составе общего выпуска продукции субъектами МСБ в Казахстане (рис. 1). С 5,1% в 2005 г. данный показатель снизился до 3,3% в 2017 г. Это объясняется аналогичным снижением численности населения Костанайской области (с 903 тыс. человек в 2005 г. до 875 тыс. человек в 2017 г.), что, в свою очередь, вызвано активизацией миграционных процессов по переселению русского населения в Российскую Федерацию.

Рис. 1. Выпуск продукции субъектами малого и среднего бизнеса Костанайской области РК

Источник: составлено авторами на основании данных Агентства по статистике Республики Казахстан (<http://www.stat.gov.kz>).

В динамике наблюдалось снижение численности субъектов МСБ в 2009 г., а затем – в 2015–2017 гг. Однако более важным является количество активных предприятий МСБ, которое увеличилось в 2017 г. по сравнению с 2005 г. в 1,6 и составило 48 237.

Несмотря на похожую тенденцию в динамике численности зарегистрированных и активных предпринимателей, темп роста действующих предприятий малого и среднего бизнеса превышает темп роста зарегистрированных предпринимателей (160 и 156% соответственно). Если в период с 2010 по 2014 гг. доля активных субъектов в общей численности зарегистрированных существенно снизилась по сравнению с предыдущим периодом (2005–2009 гг.), то начиная с 2015 г. данный показатель увеличился, демонстрируя самое высокое значение в 2015 г. (87%). Это является положительной тенденцией и свидетельствует об усилении экономической активности костанайских бизнесменов.

Тем не менее, в Костанайской области предпринимательская деятельность активно развивается. В 2017 г. количество зарегистрированных субъектов малого и среднего бизнеса (МСБ) увеличилось в сравнении с 2005 г. в 1,6 раза и составило 65 237 (рис. 2).

Рис. 2. Динамика зарегистрированных и активных субъектов малого и среднего бизнеса в Костанайской области РК

Источник: составлено авторами на основании данных Агентства по статистике Республики Казахстан (<http://www.stat.gov.kz>).

Рисунок 3 позволяет проанализировать состояние бизнеса (зарегистрированных субъектов МСБ) в разрезе организационно-правовых форм хозяйствования.

Рис. 3. Структура зарегистрированных предприятий МСБ Костанайской области РК в разрезе организационно-правовых форм хозяйствования (в среднем за 2013–2017 гг.), %

Источник: составлено авторами на основании данных Департамента статистики Костанайской области РК (<http://www.kostanay.stat.gov.kz>).

В структуре казахстанских субъектов малого и среднего бизнеса наибольшая доля (75%) в 2013–2017 гг. принадлежала индивидуальным предпринимателям, что также было характерно и для предыдущего периода [1]. Процесс создания и регистрации индивидуальных предпринимателей, составления финансовой отчётности осуществляется в упрощённом режиме, что обуславливает их численное преимущество перед другими формами хозяйствования.

Немаловажное значение имеет отраслевая принадлежность предприятий малого и среднего бизнеса, которая наглядно характеризуется данными, приведёнными в *таблице*.

Таблица

Структура малого и среднего предпринимательства в Костанайской области РК
в разрезе отраслевой принадлежности предприятий, %

Показатели	Годы				
	2013	2014	2015	2016	2017
Сельское, лесное и рыбное хозяйство	5,2	5,8	4,9	4,8	5,1
Горнодобывающая и обрабатывающая промышленность	7,4	7,7	7,8	7,9	7,8
Электро-, газо- и водоснабжение	0,7	0,8	0,9	1,3	0,9
Строительство	12,5	12,4	12,9	13,0	13,4
Оптовая и розничная торговля; ремонт автомобилей и мотоциклов	30,9	31,4	31,8	31,2	29,7
Транспорт и складирование	3,2	3,4	3,6	3,5	3,6
Услуги	10,0	12,1	11,3	11,2	11,4
Другие виды деятельности	30,1	26,4	26,8	27,1	20,3
Всего	100	100	100	100	100

Источник: составлено авторами на основании данных Департамента статистики Костанайской области РК (<http://www.kostanay.stat.gov.kz>).

Республика Казахстан относится к агроиндустриальным странам. Экономика Костанайской области специализируется преимущественно на горнодобывающей промышленности и сельском хозяйстве. Однако основными субъектами, представляющими горнодобывающую промышленность, являются крупные частные и государственные предприятия, а также предприятия, находящиеся в смешанной собственности. Это объясняется тем, что развитие производства в данной сфере требует существенных инвестиций, а также большого количества работников, трудящихся на предприятии [8].

Малое предпринимательство в сельскохозяйственном производстве представлено в основном крестьянскими (фермерскими) хозяйствами, которые относятся к одной из самых малочисленных групп субъектов бизнеса, что было отражено выше.

Наибольшее количество субъектов малого и среднего предпринимательства занято в сфере оптовой и розничной торговли, ремонта автомобилей и мотоциклов – в среднем более 30% в 2013–2017 гг. Это одна из тех сфер экономической деятельности, которые не требуют существенных капиталовложений, а также характеризуются довольно быстрой оборачиваемостью вложенных средств.

Однако следует отметить незначительное снижение удельного веса сферы торговли в общей структуре предпринимательства – с 30,9% в 2013 г. до 29,7% в 2017 г., что в последние годы является характерным признаком развития малого бизнеса не только в РК, но и в национальных экономиках других стран [4].

Вместе с тем возрастает удельный вес предпринимателей, занятых в строительстве. На сегодняшний день только в Костанайской области функционируют 23 строительные компании, численность работников в которых не превышает 15 человек (что, согласно казахстанскому законодательству, является критерием отнесения данных субъектов к микропредпринимательству).

Одна из важных функций малого и среднего бизнеса – это создание рабочих мест и обеспечение занятости населения. В анализируемом временном интервале (2005–2017 гг.) актуальность этой функции продолжает возрастать, о чём неоспоримо свидетельствуют данные [рисунка 4](#).

Рис. 4. Роль МСБ в обеспечении занятости населения в Костанайской области РК

Источник: составлено авторами на основании данных Департамента статистики Костанайской области РК (<http://www.kostanay.stat.gov.kz>).

Общая численность занятого населения в Костанайской области в 2005–2017 гг. незначительно снизилась (что также связано со снижением общей численности населения региона). Динамика численности занятых на предприятиях МСБ, напротив, демонстрирует тенденцию к росту (рост за тот же период составил 41%). Такое разнонаправленное изменение данных показателей обусловило тенденцию к увеличению доли занятых в МСБ в общей численности занятого населения: с 21% в 2005 г. до 31% в 2017 г.

Выявленная тенденция положительно сказывается на состоянии костанайского рынка труда, который демонстрирует снижение уровня безработицы, адекватное росту доли занятости в МСБ в общей численности занятого населения ([рис. 5](#)).

Таким образом, общий рост количества занятых в Костанайской области РК в большей степени обеспечивается расширением сферы деятельности и количества субъектов малого и среднего предпринимательства.

Рис. 5. Доля занятых в МСБ в общей численности занятого населения в Костанайской области РК и уровень безработицы

Источник: составлено авторами на основании данных Департамента статистики Костанайской области РК (<http://www.kostanay.stat.gov.kz>).

Предприятия МСБ занимаются производством продукции, выполнением работ, оказанием услуг, тем самым осуществляя свой вклад в создание валового регионального продукта (рис. 6).

Рис. 6. Роль малого и среднего предпринимательства в создании валового регионального продукта Костанайской области

Источник: составлено авторами на основании данных Департамента статистики Костанайской области РК (<http://www.kostanay.stat.gov.kz>).

В 2005–2017 гг. объем ВРП Костанайской области вырос в 5,5 раза, объем выпуска продукции субъектами МСБ увеличился в 9,6 раза, что позволяет сделать вывод о повышении роли предпринимательских структур в развитии региональной экономики.

В ходе анализа были выявлены следующие основные тенденции, характеризующие развитие малого и среднего предпринимательства Костанайской области РК в 2005–2017 гг.:

- превышение темпа роста активных предприятий МСБ над темпом роста зарегистрированных предпринимателей;
- преобладание в структуре малых и средних предпринимателей в разрезе организационно-правовых форм хозяйствования индивидуальных предпринимателей (75%);
- занятость наибольшего количества субъектов МСБ в сфере оптовой и розничной торговли (в среднем более 30%);
- снижение удельного веса сферы торговли в общей структуре предпринимательства при возрастании удельного веса предпринимателей, занятых в строительстве;
- увеличение доли занятых в МСБ в общей численности занятого населения, в том числе рост численности занятых в МСБ (41%) при одновременном снижении общей численности занятого населения (-4%);
- увеличение доли продукции МСБ в валовом региональном продукте.

Выявленные тенденции позволяют авторам сделать ряд выводов.

Высокий темп роста численности активных субъектов МСБ является положительной тенденцией и свидетельствует об усилении экономической активности бизнесменов костанайского региона.

Однако развитие современного бизнеса в любой экономике сопровождается рядом проблем. Значительная роль предпринимательства как основной движущей силы в развитии современного рыночного хозяйства не позволяет «...оставлять без внимания проблемы, с которыми оно сталкивается сейчас в России» [5, с. 359].

В Казахстане, как и в России, сложился особый менталитет, в котором исторически, в процессе социалистического воспитания нескольких поколений людей было заложено отрицательное, неуважительное отношение к институту частной собственности. Этот негатив переносится и на самого предпринимателя, чей образ в сознании окружающих ассоциируется с преступлениями, коррупцией, классовой борьбой. Именно поэтому «создание в общественной культуре положительного образа предпринимателя» можно отнести к одной из первостепенных задач [10, с. 184].

Серьёзные трудности, обусловленные в большинстве случаев отсутствием первоначального капитала, возникают на начальном этапе формирования бизнеса. С целью решения этой проблемы региональные организации поддержки и развития бизнеса разрабатывают и реализуют различные программы финансирования предпринимательской деятельности. В рамках реализации Государственной программы поддержки и развития бизнеса «Дорожная карта бизнеса-2020» в Костанайской области только в 2019 г. выделены средства в размере 2 103,3 млн тенге (или 5,4 млн долларов), из которых 94% направлено на субсидирование процентной ставки, 6% – на гарантирование кредитов и грантовое финансирование [6]. Однако этого недостаточно для удовлетворения финансовых потребностей потенциальных предпринимателей Костанайской области.

Для выявления наиболее актуальных проблем развития современного предпринимательства нами был проведён опрос, в котором приняли участие 500 представителей малого и среднего бизнеса Костанайской области (рис. 7).

К наиболее болезненным проблемам были отнесены трудности с формированием первоначального капитала (34%), нехватка оборотных средств (31%), несовершенство налоговой системы (29%), снижение платёжеспособного спроса и ограниченный рынок сбыта продук-

ции (23%). При этом на несовершенство налоговой системы чаще всего указывали индивидуальные предприниматели и руководители ТОО. Для крестьянских хозяйств проблемой номер один является нехватка оборотных средств и устаревание оборудования [11].

Рис. 7. Рейтинг проблем становления и развития бизнеса, %

Источник: составлено авторами по результатам анкетного опроса представителей малого и среднего бизнеса Костанайской области.

Важной проблемой также является недостаток квалифицированных кадров соответствующего профиля (21%), нехватка знаний и опыта в области менеджмента. Кроме того, очень серьезное препятствие, мешающее развитию бизнеса, заключается в недостаточной информированности субъектов бизнеса о своих потенциальных возможностях и о действующих мерах государственной поддержки¹.

В целом специфика развития предпринимательства в Костанайской области по сравнению с другими областями Казахстана во многом обусловлена непосредственным соседством региона с территорией Российской Федерации, что объясняет идентичность отраслевой структуры предпринимательской деятельности, а также схожесть проблем в развитии малого и среднего бизнеса. Представляется, что при обеспечении своевременной государственной помощи и поддержки, направленных на устранение сдерживающих развитие предпринимательства проблем, малый и средний бизнес в Костанайской области Республики Казахстан продолжит успешно и результативно функционировать.

¹ В связи с необходимостью саморазвития предпринимательских организаций может быть актуальным формирование государственной политики регулирования малого и среднего бизнеса, ориентированной на качество жизни [9].

Список литературы

1. Асенова А.Е., Тулепбекова А.А. О перспективах развития малого и среднего бизнеса в Казахстане // Проблемы современной экономики. 2013. № 4. С. 329–334.
2. Байтенова А.Т. Развитие малого и среднего бизнеса в Республике Казахстан // Экономическая наука и практика: материалы междунар. науч. конф. Чита: Издательство Молодой ученый, 2012. С. 50–53.
3. Блашенцев С.О. Феномен теневой экономики // Научно-исследовательские публикации. 2014. № 6. С. 77–83.
4. Брагин Л.А., Панкина Т.В., Никишин А.Ф. Конкурентоспособность организаций малого бизнеса в сфере торговли // Российское предпринимательство. 2018. Т. 19. № 11. С. 3493–3502. DOI: 10.18334/rp.19.11.39575
5. Дадаханова Р.Р. Современное состояние малого предпринимательства в России // Молодой ученый. 2013. № 5. С. 359–360.
6. Информация о реализации Государственной программы поддержки и развития бизнеса «Дорожная карта бизнеса-2020» в Костанайской области по состоянию на 1 февраля 2019 года. URL: <http://kostanay.gov.kz/razvitie-msb/> (дата обращения: 25.03.2019).
7. Кирицнер И. Конкуренция и предпринимательство. Челябинск: Социум, 2010. XIV + 272 с.
8. Лилимберг С.И., Катаев Т.К. Современное состояние предпринимательской деятельности в Костанайской области // Материалы междунар. науч.-практич. конф. «Дулатовские чтения-2016». Костанай: КИиЭУ им. М. Дулатова, 2017. С. 53–55.
9. Мошкин И.В. Система государственной поддержки организации предпринимательской деятельности, ориентированная на повышение качества жизни // Экономика и предпринимательство. 2014. № 4–2. С. 827–830.
10. Сизова Ю.С. Предпринимательство в России – проблемы и возможности // Вопросы экономики и управления. 2016. № 5. С. 184–187.
11. Халимов М.К. Проблемы развития малого бизнеса в Казахстане. URL: <https://sibac.info/conf/econom/hxiii/32170> (дата обращения: 06.03.2019).
12. Чепуренко А.Ю. Что такое предпринимательство и какая политика в отношении предпринимательства нужна России? (Заметки на полях работ современных зарубежных классиков) // Журнал Новой экономической ассоциации. 2012. № 2. С. 102–124.
13. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2007. 864 с.

References

1. Asenova A.E., Turabekov A.A. Small- and Medium Scale Enterprises in Kazakhstan: Prospects of Development (Kazakhstan, Astana). *Problemy sovremennoy ekonomiki* [Problems of Modern Economics]. 2013. No. 4. Pp. 329–334. (In Russian)
2. Baitenova A.T. Development of Small- and Medium-Sized Businesses in the Republic of Kazakhstan. In: *Economic Science and Practice: Proceedings of International Scientific Conference*. Chita, 2012. Pp. 50–53. (In Russian)
3. Blashentsev S.O. Phenomenon of Shadow Economy. *Nauchno-issledovatel'skie publikatsii* [Journal of Scientific Research Publications]. 2014. No. 6. Pp. 77–83. (In Russian)
4. Bragin L.A., Pankina T.V., Nikishin A.F. The Competitiveness of Small Business in Retail Sphere. *Rossiyskoe predprinimatel'stvo* [Russian Journal of Entrepreneurship]. 2018. Vol. 19. No. 11. Pp. 3493–3502. DOI: 10.18334/rp.19.11.39575 (In Russian)

5. Dadajanova R.R. The Current State of Small Business in Russia. *Molodoy uchenyy* [Young Scientist]. 2013. No. 5. Pp. 359–360. (In Russian)
6. Information on the Implementation of the State Program of Business Support and Development «Business Road Map-2020» in Kostanay Region as of February 1, 2019. Available at: <http://kostanay.gov.kz/razvitiemsb/> (accessed 25 March 2019). (In Russian)
7. Kirzner I. *Competition and Entrepreneurship*. Chelyabinsk, 2010. 286 p. (In Russian)
8. Lilimberg S.I., Kataev T.K. Current Status of Entrepreneurship in Kostanay Region. In: *Proceedings of International Scientific and Practical Conference «Dulatov Readings-2016»*. Kostanay, 2017. Pp. 53–55. (In Russian)
9. Moshkin I.V. System of the State Support of the Organization of Business Activity, Focused on Life Improvement of Quality. *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Journal of Economy and Entrepreneurship]. 2014. No. 4–2. Pp. 827–830. (In Russian)
10. Sizova Y.S. Business in Russia – Challenges and Opportunities. *Voprosy ekonomiki i upravleniya* [Issue of Economics and Management]. 2016. No. 5. Pp. 184–187. (In Russian)
11. Halimov M.K. *Problems of Small Business Development in Kazakhstan*. Available at: <https://sibac.info/conf/econom/xxiii/32170> (date accessed 6 March 2019). (In Russian)
12. Chepurenko A.Yu. What is Entrepreneurship and What Entrepreneurship Policy Does Russia Need? (Marginal Notes on Works of Modern Foreign Classics). *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association]. 2012. No. 2. Pp. 102–124. (In Russian)
13. Schumpeter J.A. *The Theory of Economic Development. Capitalism, Socialism and Democracy*. Moscow, 2007. 864 p. (In Russian)

■ ■ ■
Для цитирования:

Лилимберг С.И., Селезнёва Т.О. Анализ тенденций и закономерностей развития субъектов малого и среднего бизнеса в Костанайской области Республики Казахстан // Регионалистика. 2019. Т. 6. № 2. С. 64–74. DOI: [10.14530/reg.2019.2.64](https://doi.org/10.14530/reg.2019.2.64)

For citing:

Lilimberg S.I., Seleznyova T.O. Analysis of Trends and Patterns of Development of Small and Medium-Sized Businesses in the Kostanay Region of the Republic of Kazakhstan. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2019. Vol. 6. No. 2. Pp. 64–74. DOI: [10.14530/reg.2019.2.64](https://doi.org/10.14530/reg.2019.2.64) (In Russian)

**ДВИНИН
Дмитрий
Юрьевич**

Кандидат экономических наук, доцент
Челябинский государственный университет,
ул. Братьев Кашириных, 129,
Челябинск, Россия, 454001

**DVININ
Dmitry
Yurievich**

PhD in economics, associate professor
Chelyabinsk State University,
129, Bratiev Kashirinykh Street,
Chelyabinsk, Russia, 454001

ecologchel@74.ru

УДК 330.15

ОЦЕНКА ЭМИССИИ ПАРНИКОВЫХ ГАЗОВ И РЕСУРСОЁМКОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ РОССИИ

Выявить негативное влияние альтернативной электроэнергетики на окружающую среду с помощью традиционных подходов довольно затруднительно, такую оценку можно осуществлять лишь через выявление ресурсоёмкости. Для достижения указанной цели в исследовании использовался критерий MI (Material Input)-чисел, который позволяет выявить общий объём перемещаемого биосферного вещества в процессе экономической деятельности. Получены расчётные данные общей ресурсоёмкости для традиционной и альтернативной электроэнергетики всех регионов России, а также отдельных федеральных округов.

Ресурсоёмкость, регион, материальная интенсивность, парниковые газы, альтернативная электроэнергетика, природные ресурсы, окружающая среда

ASSESSMENT OF GREENHOUSE GAS EMISSIONS AND RESOURCE INTENSITY OF THE REGIONAL ELECTRIC ENERGY COMPLEX OF RUSSIA

It is quite difficult to identify the negative impact of alternative electricity on the environment through traditional approaches. Thus, the assessment of negative anthropogenic impact can be carried out only through the identification of resource intensity. To achieve this goal, the study used the criterion MI (Material Input)-numbers, which allows to identify the total amount of biospheric substance transported in the process of economic activity. The data of the total resource intensity for the traditional and alternative electricity of all regions of Russia, as well as individual federal districts, was calculated.

Resource intensity, region, material intensity, greenhouse gases, alternative electricity, natural resources, environment

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-010-00861.

© Двинин Д.Ю., 2019

Сущность современных экологических проблем заключается в изменении материально-энергетических потоков в процессе экономической деятельности. Однако при охране окружающей среды основное внимание концентрируется на регулировании возникающих выбросов и сбросов. Фактически они являются лишь следствием использования природных ресурсов в биосфере. Изменения материально-энергетических потоков – существенно более значимый фактор для состояния окружающей среды, чем формирующиеся вследствие указанных процессов отходы. Биосферные потоки переключаются на социо-экономическую систему, что в дальнейшем и приводит экосистемы к кризису: они становятся не способными поддерживать собственные системные функции. Таким образом, оценку антропогенного воздействия производственной деятельности надо осуществлять через измерения удельной и общей ресурсоёмкости таких базовых отраслей хозяйства, как электроэнергетика. Альтернативная энергетика практически не имеет негативных выбросов в окружающую среду, хотя её деятельность и способна изменять материальные потоки в экосистемах. Исходя из указанных положений, напрашивается вывод, что оценка ресурсоёмкости и даёт возможность выявить эколого-экономические преимущества данной отрасли экономики. Оценка ресурсоёмкости позволяет выявить существующую взаимосвязь природной и социально-экономической систем, поскольку изъятые природные ресурсы имеют установленную рыночную цену. При условии развития «зелёной экономики», как считают некоторые исследователи [1], следующий цикл Кондратьева в мировой экономике будет определяться экологическими и ресурсосберегающими технологиями. Поэтому определение эколого-экономических преимуществ различных отраслей экономики, в том числе альтернативной электроэнергетики, является не только природоохранной задачей, но и важнейшим фактором конкурентоспособности экономики.

Осуществление общей оценки потреблённых природных ресурсов – довольно нетривиальная задача, так как альтернативная электроэнергетика при сооружении объектов и их функционировании использует совершенно различные материальные потоки [10]. Необходим критерий, позволяющий все виды потреблённых природных ресурсов свести к единому показателю. В странах ЕС и комиссией ООН по устойчивому развитию применяются такие показатели, как TMR (Total Material Requirement) и DMI (Direct Input Materials). Они позволяют выявить общее материальное потребление на уровне отдельных государств [9]. Указанные критерии в значительной степени схожи друг с другом. Небольшие отличия объясняются тем, как учитываются скрытые материальные потоки при экспорте и импорте готовой продукции. TMR и DMI позволяют сопоставить материальные ресурсы относительно ВВП (валового внутреннего продукта), однако с их помощью невозможно в полной мере оценить негативное антропогенное влияние отдельных отраслей экономики, включая альтернативную электроэнергетику. Расположенный в Германии Вуппертальский институт климата и окружающей среды разработал особый критерий – MI (Material Input)-числа. Они являются производным показателем более комплексного MIPS-анализа и количественно выражают объём природных ресурсов, а также элементов окружающей среды, которые требуются при производстве товаров и услуг [4; 12]. С их помощью можно относительно просто выявить материальную интенсивность некоторого производственного процесса, но их затруднительно применять при оценке целых отраслей экономики. Для решения указанной проблемы при исследовании использовался новый критерий – суммарные MI-числа, представляющие собой совокупность природных ресурсов [3]. Отдельные категории материального входа при их расчёте не учитывались. Такой подход позволяет несколько упростить процесс анализа и использовать его для отдельных отраслей экономики, в том числе альтернативной электроэнергетики. Указанный критерий находится в промежуточном положении между DMI и TMR, которые используются при анализе национальных экономик, и традиционными MI-числами, подходящими для отдельных экономических субъектов.

Распределённые по различным категориям материального входа традиционные МП-числа включены в специальный отчёт на сайте Вуппертальского института климата и окружающей среды (www.wupperinst.org). Для исследования предлагаются следующие пять категорий материального входа: абиотические ресурсы, атмосферные ресурсы, биотические ресурсы, водные ресурсы, почвенные ресурсы. При расчёте суммарных МП-чисел категории материального входа отдельно не выделяются, потребление ресурсов рассматривается в качестве единого материального потока. Если возникает необходимость, существует возможность получить суммарные МП-числа и для более сложных товаров и услуг. В этом случае первоначально потребуются проанализировать детальный состав продукта и выявить объём энергии, затрачиваемой при производственном процессе [7].

В рамках настоящего исследования оценка ресурсоёмкости объектов альтернативной электроэнергетики осуществлялась на основе материалов, полученных Вуппертальским институтом климата и окружающей среды, где приведены удельные показатели ресурсоёмкости для различных источников энергии, с учётом необходимых затрат на производство и функционирование соответствующих объектов¹. Расчёты проводились следующим образом: сначала выполнялся инвентаризационный анализ «входных» и «выходных» потоков природных ресурсов [11], далее указанные потоки переводились в категорию суммарных МП-чисел.

Для ветроэлектростанций (ВЭС) получены следующие удельные показатели ресурсоёмкости, выраженные в МП-числах: атмосферные ресурсы, кг/кВт·ч – 0,008; абиотические ресурсы, кг/кВт·ч – 0,09; водные ресурсы, кг/кВт·ч – 0,84; суммарные МП-числа, кг/кВт·ч – 0,1.

Для солнечных электростанций (СЭС): атмосферные ресурсы, кг/кВт·ч – 0,0009; абиотические ресурсы, кг/кВт·ч – 0,12; водные ресурсы, кг/кВт·ч – 4,93; суммарные МП-числа, кг/кВт·ч – 0,12.

Информация об объёмах затрачиваемой воды при выработке электроэнергии использовалась для выявления удельной ресурсоёмкости малых ГЭС (гидроэлектростанций). В настоящее время отсутствует чёткий нормативный критерий для отнесения гидроэлектростанции к категории малой. Однако в действовавшем ранее СНиП 2.06.01-86 «Гидротехнические сооружения. Основные положения проектирования» к малым гидроэлектростанциям относились объекты, имеющие установленную мощность до 30 МВт; данная величина и была принята в исследовании за основу.

В процессе исследования были собраны данные об удельной и общей величине потребления ресурсов отдельными объектами альтернативной энергетики² в российских регионах [8]. Учитывая долю каждой электростанции в энергобалансе, рассчитывались итоговые величины для региона в целом. Поскольку в исследовании была поставлена цель – проанализировать существующий уровень антропогенного воздействия, выделялись отдельно категории материального входа (абиотические, атмосферные ресурсы), связанные с эмиссией парниковых газов. Для облегчения анализа в суммарных МП-числах они были просуммированы и объединены.

Оценка эмиссии парниковых газов осуществлялась на основе методики МГЭИК (Межправительственная группа экспертов по изменению климата). Согласно «Руководству МГЭИК», при проведении оценки в электроэнергетике необходимо учитывать величины, связанные со сжиганием различного топлива: именно его категория определяет удельные коэффициенты эмиссии парниковых газов. К парниковым газам отнесены углекислый газ, закись азота, метан, трифторид азота, фреон. Однако ввиду малых объёмов выброса любых газов, кроме углекислого, в дальнейшем для облегчения анализа предлагается всю эмиссию выражать в виде CO₂-экв. (эквивалента углекислого газа).

¹ <http://www.mips-online.info>

² <https://energybase.ru>

Определение эмиссии парниковых газов в результате функционирования электроэнергетики осуществляется поэтапно [6]:

1. Выявление объёма потребления топлива (при наличии), перевод натуральных величин в единицы условного топлива.
2. Определение уровня содержания углерода в топливе с помощью коэффициентов эмиссии.
3. Расчёт образующейся эмиссии парниковых газов в CO_2 -экв.

«Руководящие принципы МГЭИК» предлагают следующий алгоритм расчёта эмиссии парниковых газов. Изначально собирается информация исходя из объёмов деятельности электроэнергетических объектов. Далее полученные величины соотносятся с коэффициентами содержания углерода в топливе. Указанные коэффициенты приведены в «Методологии кадастра антропогенных выбросов парниковых газов для региона» [5]. Приведённые в документе величины в полной мере соответствуют данным экспертов МГЭИК, однако представлены в более удобной табличной форме.

С опорой на предложенные методики был проведён сравнительный анализ ресурсоёмкости и уровня выбросов парниковых газов традиционной электроэнергетики, использующей ископаемое топливо, и альтернативной электроэнергетики. Также была выявлена удельная величина альтернативной энергетики различного генезиса: СЭС (солнечные электростанции), ВЭС (ветряные электростанции), ГеоЭС (геотермальные электростанции), малые ГЭС (гидроэлектростанции), БиоЭС (энергоустановки на биотопливе). Оценка проводилась для всех регионов Российской Федерации, полученные результаты представлены в таблице.

Таблица

**Эмиссия парниковых газов и ресурсоёмкость
региональных электроэнергетических комплексов Российской Федерации**

Субъекты РФ	Традиционная электроэнергетика			Альтернативная электроэнергетика			
	выработка электроэнергии за год, млн кВт·ч	ресурсоёмкость, выраженная в суммарных МВт·ч, тыс. т	эмиссия парниковых газов, тыс. т	выработка электроэнергии за год, млн кВт·ч	ресурсоёмкость, выраженная в суммарных МВт·ч, тыс. т	эмиссия парниковых газов, тыс. т	СЭС/ВЭС/ГеоЭС/малые ГЭС и БиоЭС, %
1	2	3	4	5	6	7	8
Северо-Западный федеральный округ	97 969,32	61 720,67	26 451,72	204,05	0,51	—	0/2,5/0/97,5
Республика Коми	8 974,09	11 576,57	6 012,64	93,86	—	—	0/100/0/0
Республика Карелия	4 194,98	964,84	503,4	0,005	0,0005	—	0/0/0/100
Псковская область	623,5	635,97	336,7	8	—	—	0/0/0/100
Новгородская область	540,18	696,83	340,31	—	—	—	—

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8
Ненецкий АО	154,3	209,85	143,5	0,5	0,05	—	0/100/0/0
Мурманская область	15 978,71	3 834,89	479,36	71,39	0,085	—	0/0/0/100
Ленинградская область	36 740,32	13 593,91	2 571,82	0,22	—	—	0/0/0/100
Калининградская область	6 199,15	4 773,34	2 541,65	15,07	0,37	—	0/30/0/70
г. Санкт-Петербург	16 238,31	13 802,56	7 307,24	15	—	—	0/0/0/100
Вологодская область	4 479,23	6 674,05	3 314,63	0,001	0,0001	—	0/0/0/100
Архангельская область	3 846,55	4 731,25	2 538,72	93,86	—	—	0/100/0/0
Центральный федеральный округ	222 487,6	169 090,57	68 971,15	147,84	132,43	0,11	0/0/0/100
Ярославская область	3 620,45	2 679,13	1 448,18	1,02	—	—	0/0/0/100
Тульская область	3 996,57	7 593,48	3 956,6	—	—	—	—
Тверская область	44 394,48	21 753,29	5 771,28	9,6	—	—	0/0/0/100
Тамбовская область	1 054,13	1 106,83	590,31	—	—	—	—
Смоленская область	27 767,37	11 384,62	1 943,71	—	—	—	—
Рязанская область	8 294,79	22 644,77	10 700,28	—	—	—	—
Орловская область	1 146,84	1 020,69	550,48	8	—	—	0/0/0/100
Московская область	24 221,93	29 066,32	13 322,06	99,76	—	—	0/0/0/100
Липецкая область	1 751,59	1 734,07	928,34	—	—	—	—
Курская область	31 160,19	10 594,46	623,2	—	—	—	—
Костромская область	15 101,73	14 195,62	7 550,86	—	—	—	—
Калужская область	49,53	51,02	27,24	—	—	—	—
Ивановская область	2 308,19	2 331,27	1 246,42	—	—	—	—
г. Москва	41 046,24	36 120,69	19 291,73	—	—	—	—
Воронежская область	14 169,4	5 667,76	850,16	—	—	—	—
Владимирская область	1 868,3	1 774,88	952,83	—	—	—	—
Брянская область	17,08	23,06	12,3	29,46	132,43	—	—
Белгородская область	518,79	409,84	217,9	1,02	—	0,11	0/0/0/100
Южный федеральный округ	63 125,76	42 925,51	19 568,9	547,9	56,63	—	82/8/0/10

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8
Ростовская область	32 672,76	25 158,02	9 801,83	—	—	—	—
Республика Крым и г. Севастополь	1367,11	1223,67	622,54	427,5	49,19	—	89/11/0/0
Республика Калмыкия	9	3,87	1,71	—	—	—	—
Республика Адыгея	48,4	0	0	50,4	—	—	0/0/0/100
Краснодарский край	10 659,08	9 486,58	5 116,36	8	—	—	0/0/0/100
Волгоградская область	15 819,24	4 429,39	2 372,89	62	7,44	—	100/0/0/0
Астраханская область	2 550,17	2 881,69	1 555,6	—	—	—	100/0/0/0
Северо-Кавказский федеральный округ	26 824,93	19 313,95	10 193,47	621,6	1,08	—	1/0/0/99
Чеченская республика и республика Ингушетия	15,5	0	0	15,5	—	—	0/0/0/100
Ставропольский край	19 008,8	19 198,89	10 264,75	205	—	—	0/0/0/100
Республика Северная Осетия	412,4	16,5	8,25	164,2	—	—	0/0/0/100
Республика Дагестан	5 470,53	109,41	54,7	204	1,08	—	3/0/0/97
Карачаево-Черкесская республика	1291,2	0	0	17,4	—	—	0/0/0/100
Кабардино-Балкарская республика	626,5	0	0	15,5	—	—	0/0/0/100
Приволжский федеральный округ	176 734,4	134 318,14	65 391,73	221,31	22,58	—	52/39/0/9
Ульяновская область	2 758,32	2 592,82	1 379,16	96	8,6	—	0/90/0/10
Саратовская область	40 286,18	14 503,02	2 820,03	0,11	0,013	—	100/0/0/0
Самарская область	23 129,27	13 646,27	7 170,07	5,5	—	—	0/0/0/100
Республика Чувашия	4 928,71	2 562,93	1 330,75	—	—	—	—
Республика Удмуртия	2 598,81	2 364,91	1 273,41	—	—	—	—
Республика Татарстан	21 646,93	19 915,17	10 606,99	0,3	—	—	0/0/0/100

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8
Республика Мордовия	1 116,81	1 127,97	603,07	0,35	—	—	0/0/0/100
Республика Марий Эл	702,99	625,67	330,4	—	—	—	—
Республика Башкортостан	18 839,51	19 781,48	9 796,54	41,46	4,92	—	97/1/0/2
Пермский край	30 463,45	25 893,93	14 013,19	0,35	—	—	0/0/0/100
Пензенская область	1 517,87	1 457,15	774,11	0,2	—	—	0/0/0/100
Оренбургская область	14 639,56	14 639,56	7 758,97	75,34	9,05	—	100/0/0/0
Нижегородская область	9 370,02	8 151,91	4 310,21	—	—	—	—
Кировская область	4 735,96	7 435,45	3 267,81	1,7	—	—	0/0/0/100
Уральский федеральный округ	129 678	172 471,74	73 916,46	35,8	0,054	—	0/1,5/0/98,5
Ямало-Ненецкий автономный округ	1 201	996,83	576,48	0,54	0,054	—	0/100/0/0
Челябинская область	23 700,8	42 898,45	20 619,67	1,5	—	—	0/0/0/100
Ханты-Мансийский автономный округ	77 505	91 455,9	37 977,45	—	—	—	—
Тюменская область	11 906,3	14 525,68	5 834,09	—	—	—	—
Свердловская область	15 364,9	25 198,43	11 677,32	33,76	—	—	0/0/0/100
Курганская область	3 103,4	4 096,48	1 799,97	—	—	—	—
Сибирский федеральный округ	186 506,7	258 819,26	91 388,28	1 357,52	160,78	—	97/1/0/2
Томская область	4 229	7 231,59	3 256,33	3	0,002	—	0/0/0/100
Республика Хакасия	22 600	7 458	1 808	6,5	0,78	—	100/0/0/0
Республика Тыва	67,2	86,68	33,6	—	—	—	—
Республика Алтай	1 333	159,96	0	1 333	160	—	98/0/0/2
Омская область	6 237,4	13 971,77	5 551,28	—	—	—	—
Новосибирская область	13 258,8	18 297,14	9 413,75	—	—	—	—
Красноярский край	52 302	104 080,98	24 581,94	15	—	—	0/0/0/100
Кемеровская область	21 392	43 853,6	22 461,6	0,020	0,002	—	100/0/0/0
Иркутская область	59 364,8	45 710,89	10 685,66	—	—	—	—

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8
Алтайский край	5 722,5	17 968,65	7 210,35	—	—	—	—
Дальневосточный Федеральный округ	56 783,46	122 573,2	30 663,07	628 291,66	47,8	—	98/0/0/2
Республика Бурятия	5 164,8	23 189,95	5 629,63	14,54	1,7	—	100/0/0/0
Республика Саха (Якутия)	9 295,81	9 574,68	5 112,69	437,12	0,05	—	87/13/0/0
Чукотский автоном- ный округ	475,6	1 084,37	389,99	200	0,02	—	0/100/0/0
Хабаровский край с ЕАО	7 224,95	14 305,4	5 707,71	—	—	—	—
Сахалинская область	2 085,2	3 211,21	1 563,9	8 541	0,85	—	0/10/90/0
Забайкальский край	5 666,3	27 764,87	6 119,6	199	0,001	—	0/0/0/100
Приморский край	8 856,6	35 603,53	9 742,26	—	—	—	—
Магаданская об- ласть	2 563,5	615,24	307,62	—	—	—	—
Камчатский край	1 702,7	1 174,86	629,99	618 900	45,18	—	0/20/50/30
Амурская область	13 748	6 049,12	1 374,8	—	—	—	—
Российская Феде- рация	1 923 323,73	2 000 256,68	788 562,73	2 763,49	421,39	0,11	26/9,5/11/53,5

Источник: составлено автором.

Проведённые расчёты позволили выявить общий объём биосферного вещества, используемого при деятельности традиционной электроэнергетической отрасли экономики Российской Федерации: 2 млрд т. Это в 6,5 раз больше объёма речного стока, осуществляемого российскими реками, величина сопоставима со стоком вещества всех земных рек. Масса вещества, необходимого для функционирования электроэнергетического комплекса в России, фактически совпадает с объёмами некоторых природных геологических сил, что в полной мере подтверждает концепцию антропоцена о появлении новой геологической эпохи, где антропогенная деятельность играет ведущую роль в функционировании биосферы. Наибольшая ресурсоёмкость отмечается в регионах, обладающих высокой долей угольной энергетики в общем энергобалансе: Сибирский федеральный округ (258,82 млн т) и Уральский федеральный округ (172,47 млн т).

Объём биосферного вещества, перемещаемого при деятельности альтернативной электроэнергетики в Российской Федерации, незначителен: 0,42 млн т, данная величина меньше показателя для традиционной энергетики в 4 761 раз. Даже при условии, что альтернативная электроэнергетика полностью заместит традиционную энергетику, объём перемещаемого вещества составит порядка 300 млн т, что будет почти в 7 раз меньше, чем в энергетике, использующей ископаемое топливо. Таким образом, можно установить эколого-экономическое

преимущество развития альтернативной энергетики в Российской Федерации, выражающееся в значительном ресурсосбережении.

Объём эмиссии парниковых газов традиционной электроэнергетикой составляет 788,56 млн т, наибольшие величины также приходятся на регионы с развитой угольной энергетикой: Сибирский федеральный округ (91,39 млн т) и Уральский федеральный округ (73,91 млн т). Выявлена достаточно высокая взаимосвязь между ресурсоёмкостью, выраженной суммарными МП-числами, и объёмом выбросов парниковых газов: коэффициент корреляции составляет 0,998 [2].

В результате проведённого исследования было установлено, что эмиссия парниковых газов от деятельности альтернативной электроэнергетики в Российской Федерации практически отсутствует. Выбросы составляют 0,11 млн т, и связаны они исключительно с деятельностью установок, использующих биотопливо. Эта величина более чем в 7 000 раз меньше объёмов выбросов энергетики на ископаемом топливе, и даже в случае полного замещения традиционной энергетики альтернативной (где будет присутствовать и бионергетика) эмиссия окажется в 10 раз меньше. Выявлена небольшая взаимосвязь между ресурсоёмкостью и эмиссией парниковых газов альтернативной энергетикой: коэффициент корреляции равен 0,592.

В результате исследование позволило сформулировать следующие выводы:

1. На малые гидроэлектростанции и энергоустановки, работающие на биотопливе, приходится 53,5% от выработки альтернативной энергетики РФ, на солнечную энергетику – 26%, геотермальные станции – 11%, ветряные установки – 9,5%.

2. Общая ресурсоёмкость российской электроэнергетики, использующей ископаемое топливо, составляет 2 млрд т (в МП-числах), ресурсоёмкость альтернативной электроэнергетики существенно меньше – 0,4 млн т (в МП-числах). Совокупный объём биосферного вещества, перемещаемого при функционировании альтернативной энергетики, меньше соответствующего показателя для традиционной энергетики в 4 761 раз.

3. При гипотетическом сценарии развития альтернативной электроэнергетики, позволяющем предположить полное замещение энергоёмностей традиционной энергетики, объём перемещаемого биосферного вещества достигнет 300 млн т, что практически в 7 раз меньше соответствующего показателя для энергетики на ископаемом топливе. Подобный сценарий позволяет прогнозировать реальную величину снижения негативного воздействия на окружающую среду при дальнейшем увеличении доли альтернативной энергетики в региональных энергобалансах.

4. Определена эмиссия парниковых газов в результате деятельности традиционной электроэнергетики Российской Федерации – 788,56 млн т, эмиссия, возникающая при функционировании альтернативной энергетики – 0,11 млн т. Существующая разница между указанными величинами превышает величину в 7 000 раз. Даже при реализации гипотетического сценария полного замещения традиционной энергетики альтернативной общая эмиссия будет меньшей в 10 раз. Выявлен низкий уровень взаимосвязи между ресурсоёмкостью и эмиссией парниковых газов альтернативной энергетикой и очень высокий между ресурсоёмкостью и выбросами парниковых газов традиционной энергетикой.

Список литературы

1. Вайцеккер Э. фон, Харгроуэ К., Смит М. Фактор 5. Формула устойчивого роста. Доклад Римскому клубу. М.: Аст-Пресс Книга, 2013. 368 с.
2. Даванков А.Ю., Двинин Д.Ю., Постников Е.А. Методический инструментарий оценки социо-эколого-

экономической среды региона в границах устойчивости биосферы // Экономика региона. 2016. Т. 12. № 4. С. 1029–1039. DOI: 10.17059/2016-4-5

3. Двинин Д.Ю. Выявление антропогенного влияния через уровень материальной интенсивности электроэнергетической отрасли экономики России // Эколого-экономические проблемы развития регионов и страны (устойчивое развитие, управление, природопользование). Материалы 14-й Международной научно-практической конференции Российского общества экологической экономики. Петрозаводск: Издательство Карельского научного центра РАН, 2017. С. 341–346.

4. Двинин Д.Ю. Планирование ресурсосбережения в региональных системах экологического менеджмента // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2011. № 7. С. 6.

5. Методология кадастра антропогенных выбросов парниковых газов для региона. Брюссель: ТАСИС, 2009. 89 с.

6. Руководящие принципы национальных инвентаризаций парниковых газов МГЭИК, 2006 г. Т. 2. Энергетика / под ред. С. Игглестона. Хаяма: ИГЕС, 2006. 321 с.

7. Сергиенко О.И., Рон Х. Основы теории эко-эффективности. СПб: СПбГУНИПТ, 2004. 223 с.

8. Электроэнергетика России: основные показатели функционирования и тенденции развития. М.: НИУ ВШЭ, 2015. 100 с.

9. Giljum S., Burger E., Hinterberger F., Lutter S., Bruckner M. A Comprehensive Set of Resource Use Indicators from the Micro to the Macro Level // Resources, Conservation and Recycling. 2011. Vol. 55. No. 3. Pp. 300–308. DOI: 10.1016/j.resconrec.2010.09.009

10. Hu Z., Yuan J., Hu Z. Study on China's Low Carbon Development in an Economy – Energy – Electricity – Environment Framework // Energy Policy. 2011. Vol. 39. № 5. Pp. 2596–2605. DOI: 10.1016/j.enpol.2011.02.028

11. Saurat M., Ritthoff M. Calculating MIPS 2.0 // Resources. 2013. Vol. 2. No. 4. Pp. 581–607. DOI: 10.3390/resources2040581

12. Schmidt-Bleek F. Das MIPS-Konzept: Weniger Naturverbrauch – mehr Lebensqualität durch Faktor 10. München: Droemer Knaur, 1998. 320 p.

References

1. Weizsäcker E. von, Hargroves K., Smith M. *Factor 5: Transforming the Global Economy through 80% Increase in Resource Productivity*. Moscow, 2013. 368 p. (In Russian)

2. Davankov A.Yu., Dvinin D.Yu., Postnikov E.A. Methodological Tools for the Assessment of Ecological and Socio-Economic Environment in the Region within the Limits of Sustainability of Biosphere. *Ekonomika regiona* [Economy of Region]. 2016. Vol. 12. No. 4. Pp. 1029–1039. DOI: 10.17059/2016-4-5 (In Russian)

3. Dvinin D.Yu. Identification of Anthropogenic Influence through the Level of Material Intensity of the Electric Power Industry of the Russian Economy. In: *Environmental and Economic Problems of Regional and Country Development (Sustainable Development, Management, Environmental Management)*. Materials of the 14th International Scientific and Practical Conference of the Russian Society of Ecological Economics. Petrozavodsk, 2017. Pp. 341–346. (In Russian)

4. Dvinin D.Yu. Planning Resource in Regional Environmental Management Systems. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: elektronnyy nauchnyy zhurnal* [Management of Economic Systems: Scientific Electronic Journal]. 2011. No. 7. P. 6. (In Russian)

5. *Methodology of the Inventory of Anthropogenic Greenhouse Gas Emissions for the Region*. Brussels, 2009. 89 p. (In Russian)

6. *IPCC Guidelines for National Greenhouse Gas Inventories, 2006. Vol. 2. Energy*. Ed. by S. Iggleston. Haya-ma, 2006. 321 p. (In Russian)

7. Sergienko O.I., Ron H. *Fundamentals of the Theory of Eco-Efficiency*. St.-Petersburg, 2004. 223 p. (In Russian)
8. *Electric Power Industry of Russia: Key Performance Indicators and Development Trends*. Moscow, 2015. 100 p. (In Russian)
9. Giljum S., Burger E., Hinterberger F., Lutter S., Bruckner M. A Comprehensive Set of Resource Use Indicators from the Micro to the Macro Level. *Resources, Conservation and Recycling*. 2011. Vol. 55. No. 3. Pp. 300–308. DOI: 10.1016/j.resconrec.2010.09.009
10. Hu Z., Yuan J., Hu Z. Study on China's Low Carbon Development in an Economy – Energy – Electricity – Environment Framework. *Energy Policy*. 2011. Vol. 39. No. 5. Pp. 2596–2605. DOI: 10.1016/j.enpol.2011.02.028
11. Saurat M., Ritthoff M. Calculating MIPS 2.0. *Resources*. 2013. Vol. 2. No. 4. Pp. 581–607. DOI: 10.3390/resources2040581
12. Schmidt-Bleek F. *The MIPS Concept: Less Natural Consumption – More Quality of Life by a Factor of 10*. München: Droemer Knaur, 1998. 320 p. (In German)

■ ■ ■
Для цитирования:

Двинин Д.Ю. Оценка эмиссии парниковых газов и ресурсоёмкости региональных электроэнергетических комплексов России // Регионалистика. 2019. Т. 6. № 2. С. 75–85. DOI: [10.14530/reg.2019.2.75](https://doi.org/10.14530/reg.2019.2.75)

For citing:

Dvinin D.Y. Assessment of Greenhouse Gas Emissions and Resource Intensity of the Regional Electric Energy Complex of Russian. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2019. Vol. 6. No. 2. Pp. 75–85. DOI: [10.14530/reg.2019.2.75](https://doi.org/10.14530/reg.2019.2.75) (In Russian)

Regionalistica [Regionalistics]

2019 Vol. 6 No. 2

Electronic scientific journal

regionalistica.org

ISSN 2313-0881

The journal's periodicity:

6 times a year

Founder:

Federal State Budgetary
Scientific Institution
The Economic Research Institute,
Far-Eastern Branch of
the Russian Academy of Sciences
(Khabarovsk)

Registered by the Federal Service
for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass
Media. Registration certificate
Эл № ФЦ77-57151 of March 11,
2014.

The authors are fully responsible
for the compilation and presentation
of information contained in their
papers. Authors' views may not
reflect the Editors' point of view.
Not part of the Journal materials
can be reprinted without permission
from the Editors.

Contacts:

Economic Research
Institute FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042
Phone: +7 (4212) 225-404
E-mail: regionalistica@ecrin.ru

Design: V.N. Ukrainsky
Making-up: V.V. Chervontseva

*Petrus Plancius's map (1594) is used
in design of a cover*

© The Economic Research Institute, Far-Eastern Branch of the Russian
Academy of Sciences, 2019

The Editorial Staff

Editor-in-Chief: *A.N. Demyanenko*,
Doctor of Geography, Professor

Tsuneo Akaha, Professor (Monterey, USA)
S.D. Valentey, Doctor of Economics (Moscow, Russia)
Vincent F. Gallucci, Professor (Seattle, USA)
K.V. Grigorichev, Doctor of Sociology (Irkutsk, Russia)
S.G. Kirdina-Chandler, Doctor of Sociology (Moscow, Russia)
E.O. Leontyeva, Doctor of Sociology (Khabarovsk, Russia)
A.V. Moshkov, Doctor of Geography (Vladivostok, Russia)
S.N. Naiden, Doctor of Economics (Khabarovsk, Russia)
O.M. Prokapalo, Doctor of Economics (Deputy Editor-in-Chief,
Khabarovsk, Russia)
L.A. Samokhina (Khabarovsk, Russia)
V.N. Ukrainsky, Ph.D. in economics (Managing Editor,
Khabarovsk, Russia)
M.Yu. Urnov, Doctor of Political Science (Moscow, Russia)
Yu.D. Shmidt, Doctor of Economics (Vladivostok, Russia)

The Editorial Board

Chairman: *P.A. Minakir*,
Academician RAS

L.E. Blyakher, Doctor of Philosophy (Khabarovsk, Russia)
N.V. Galtseva, Doctor of Economics (Magadan, Russia)
V.A. Kryukov, Corresponding Member RAS (Novosibirsk, Russia)
S.V. Kuznetsov, Doctor of Economics (Saint-Petersburg, Russia)
Yu.G. Lavrikova, Doctor of Economics (Yekaterinburg, Russia)
V.N. Lazhentsev, Corresponding Member RAS (Syktyvkar,
Russia)
S.V. Sevastianov, Doctor of Political Science (Vladivostok, Russia)
V.I. Suslov, Corresponding Member RAS (Novosibirsk, Russia)
A.I. Treyvish, Doctor of Geography (Moscow, Russia)
A.N. Shvetsov, Doctor of Economics (Moscow, Russia)